

А.Г.

18+

РАЙ В ТВОЁМ АДУ

КОГДА БЕЖАТЬ УЖЕ НЕКУДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Anastasia Goncear
**Рай в твоём аду. "Когда
бежать уже некуда"**

<https://litres.ru/74068481>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, у каждого подвала есть память.

Этот — пахнет холодом, кожей и чужими тайнами.

Она никогда не видела его лица.

Только черную маску.

Только тень за дверью.

Только руки, которые медленно стирали из неё прежнюю жизнь.

Где-то существует мир, скрытый от чужих глаз.

Мир закрытых дверей, старых правил и аукционов, где человеческая воля стоит дороже золота.

Её готовили именно туда.

Он должен был сделать её товаром.

Без имени. Без прошлого. Без права выбирать.

Но самые опасные вещи происходят тогда, когда чудовище начинает чувствовать.

И тогда клетка становится ловушкой уже не для пленницы.

Иногда свобода страшнее плена.

Особенно когда единственный человек, от которого хочется бежать, — единственный, кого невозможно забыть.

В книге описываются психологические отношения жертвы и ее похитителя. Присутствует много жестокости, психологического и физического насилия (элементы БДСМ). Не для слабонервных и не для тех, кто любит розовые сопли. Боль! Доминирование, властвование и подчинение.

Содержание

Глава	5
Пролог	6
Глава 1.	11
Глава 2.	29
Глава 3.	49
Глава 4.	64
Глава 5.	80
Глава 6.	92
Г	119
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Рай в твоём аду. "Когда бежать уже некуда"

Глава

Пролог

Похищение... Не самый лучший способ знакомства, но один из самых незабываемых.

Всё началось с того, что он меня похитил. Да... именно так. Ужасный момент в моей жизни. Хуже и быть не могло... Но, оказывается, могло.

Что, если человек, похитивший меня, не просто больной ублюдок?

Что, если он не простой сумасшедший с шизофреническими наклонностями?

Что, если он часть опасного мира, о существовании которого я и не подозревала?

Что, если похитивший меня человек сам оказался загнан в невидимые рамки боли, страдания и самоистязания?

Это был тёплый октябрь.

Я медленно брела по ночному парку, вышагивая по мокрому асфальту. Такому же мокрому, как моё лицо.

Ночь. Дождь. Тихонько шелестят мокрые листья под ногами, а я иду в никуда. Впереди лишь тропа, уводящая своего гостя в мрачное сердце леса.

Никогда не думала, что жизнь может разбиться вдребезги, оставляя после себя глубокие раны и кровавые осколки. Боль — это мой спутник, сопровождающий меня уже дол-

гое время. Боль предательства, боль, которая пропитывает всё тело, разливаясь густой лавой по венам, прожигая плоть изнутри до костей. Боль, которая месяцами медленно сгрызала изнутри, пока не превратила мою душу в решето, отняв возможность видеть мир в ярких красках. Отняв возможность чувствовать присущие человеку даже самые примитивные эмоции.

Потеряв какой-либо интерес к этому миру, я часто блуждала в отдалённых от всей городской суеты местах. Я давно потеряла восприятие реальности и жила в своём проклятом аду. Минуту сменял час, час сменял день, день сменяла ночь. Бесконечный круговорот времени. А я, словно привидение, — опустошённая оболочка.

Это и сыграло со мной роковую шутку, это и привело меня к дороге, ведущей в новый мир. К дороге, уходящей в глубь вечной ночи, это и привело меня в октябрь, когда я встретила тебя, своё персональное чудовище.

Я шла, удаляясь в глубь прохладной темноты леса, не обращая внимания на шорохи листвы и падающих капель с деревьев. Я просто шла, погружившись в очередную дозу мыслей, надеясь, что однажды эта ноющая опухоль у меня в груди закончит своё существование, перестанет душить меня отчаянием, и я наконец смогу освободиться от этого ядовитого заточения своих воспоминаний.

Погружившись глубоко в свои мысли, я не сразу придавала значение странным шорохам позади меня, приняв это за

дождь. Резкий треск сучка раздался совсем близко и наконец заставил нырнуть в реальность. Сердце пропустило тяжёлый удар, разнося предчувствие страха лёгким покалыванием в конечностях.

И прежде чем я успела обернуться, огромная рука обогнула моё тело, зажав руки в железные тиски, прижав к моему лицу нечто, имеющее противно-сладковатый запах. Лёгкие втянули поток воздуха вместе с этой странной примесью, а рот застыл в немом крике, жадно втягивая в себя последние капли кислорода.

Но прежде чем сознание стало плавно, но быстро покидать меня, в голове набатом прошумела мысль:

«Сегодня ты умрёшь».*.*.*

В книге описываются психологические отношения жертвы и её похитителя. Присутствует много жестокости, психологического и физического насилия (элементы БДСМ). Не для слабонервных и не для тех, кто любит розовые сопли. Боль! Доминирование, властвование и подчинение. Но! Не исключена и любовь.

Глава 1.

Твое имя "Страх".

Я попыталась открыть глаза, но они будто налиты свинцом. Тело отказывалось подчиняться. Руки и ноги свело судорогой. В голове разносился шум. Я никак не могла сосредоточиться на мыслях — они ускользали от меня, впитываясь в ледяной бетон, на котором я лежала. В конечностях пульсировала нарастающая боль.

Глаза медленно поддавались движению. Я не с первого раза смогла сфокусировать взгляд и понять, где я. Комната кружилась, словно в пьяном бреду. Наркотическое отравление химическим препаратом давало свои последствия. Боль в ушах и голове начинала нарастать громким свистом. Прошло пару минут, прежде чем мой взгляд смог сфокусироваться на огромном чёрно-бежевом пятне у дальней стены. Порой моё зрение подводило, и я не сразу поняла, во что упёрся мой взгляд. Мысли путались, а мозг начал рисовать далёкие очертания сидящего напротив человека.

Я смотрела на мужчину, сидящего прямо на полу. Его колени были широко расставлены, а с них тяжело свисали огромные кисти, пальцы почти касались пола. Даже сидя, он казался непривычно большим — широкие плечи, массивный торс, напряжённая линия рук. Чёрные узоры покрыва-

ли кожу, переплетаясь на плечах и уходя дальше, каждый изгиб закручивался в гипнотическую спираль, от которой было трудно отвести взгляд.

В этой позе не было ни капли беспомощности. Наоборот — казалось, будто даже на полу он занимает слишком много пространства, заставляя меня чувствовать себя маленькой напротив него.

Взгляд поднялся выше, и меня словно прошибло током. Спина покрылась колючими мурашками, разгоняя холод по всему телу. Медленно, по кусочкам, ко мне начали возвращаться обрывки воспоминаний о произошедшем.

Страх.

Липкий, густой, он стал проникать под кожу, разгоняя импульсы по всем каналам. Это не галлюцинации — у стены действительно сидел человек. Его голая грудь быстро вздымалась, а взгляд был направлен на меня. Лицо полностью закрывала чёрная маска - балаклава.

Паника, окутывающая меня липкой паутиной, стала нарастать. Осознание происходящего отрезвило мой мозг в считанные секунды. Я боялась пошевелиться. Глаза в страхе бегали по комнате, быстрое дыхание заставляло моё тело сотрясаться в дрожи. Катастрофически не хватало воздуха. Что делать в такой ситуации, я не представляла, ведь меня похитили...

На мгновение мне показалось, что комната снова закрутилась, унося меня за собой в центрифугу ужаса. Моё тело

издало протяжённый стон, показавшийся мне чужим и настолько отчаянным, словно его издал загнанный зверь, а не я. Хуже быть не могло. Я достигла дна, где есть только смрад сырости и плесени, забивающийся глубоко в ноздри.

Теперь есть я, эта комната и мой похититель.

Я так и продолжала лежать на холодном бетоне, боясь пошевелиться. Глаза невольно уставились на него. На мгновение мне показалось, что мир застыл, и я смотрю со стороны, как на картинку с ужасным изображением девушки, лежащей на полу, и жуткого мужчины, сидевшего в другом конце комнаты. Но картинка резко сменилась, и теперь мужчина стоял в полный рост. Поднявшись на ноги и подойдя ближе, показалось, что надо мной навис настоящий великан, закрывший меня своим мощным телом от всего мира. Я даже не смогла бы назвать «это» человеком. Таких людей не бывает. Или бывают, но только где-то там, в мире кино или журналов. Он был фантастически большим, или мне так показалось...

Я почувствовала себя мелкой букашкой, соринкой на полу. Это пугало. Я никогда не видела вживую таких огромных мужчин. Крупная шея переходила в мощные плечи, казалось, каждая мышца отлита из железа. От груди к рукам тянулись замысловатые татуировки, изгибая стальные мышцы и вздутые вены. Казалось, этими руками он может раздавить череп, не прилагая особых усилий. На голом торсе проглядывался чёткий рельефный пресс. Невооружённым взглядом

было понятно, что этот человек уделяет очень много времени своему телу.

Он был одет в чёрные джинсы, облепившие его массивные ноги. Казалось, он наступит на меня своими ботинками и раздавит, как таракана. Но больше всего пугало его закрытое лицо. У страха должно быть лицо, а у моего страха его не было. Я могла лишь рисовать в голове, что там под маской.

Инстинктивно закрыла глаза, прячась от всего происходящего, закрываясь в своём мирке. Можно мечтать о смерти в минуты отчаяния, но умирать всегда страшно. Вот и сейчас я ощущала себя как перед самым страшным приговором, не зная, чего мне ожидать.

Огромные ботинки приблизились почти вплотную к моему лицу, я даже ощутила лёгкий запах кожи, исходящий от них.

Он продолжал стоять надо мной, нависая огромным телом, сжимая меня в пространстве своим тяжёлым взглядом. А я не понимала, зачем он это делает. Лучше бы он говорил или приступил к своим грязным делам. Тишина нагнетала ещё больше, до чёртиков пугая меня. Он словно испытывал мои нервы на прочность, давая мне шанс на истерику. Но я не решалась даже пошевелиться, продолжая лежать, игнорируя боль во всём теле. Его тяжёлый взгляд придавил меня к полу, не давая возможности к сопротивлению. Медленно присев, он наклонился, прожигая во мне дыры. Шершавым пальцем дотронулся до моей щеки и провёл к губам, очерчи-

вая их контур. Спускаясь к подбородку, он приподнял моё лицо, чтобы глубже зарыться своим холодным взглядом. Кажалось, в его глазах бушует океан, затягивая в пучину ужаса. Глаза большие, выразительные, голубые, как две льдины Антарктики. Мелькнула мысль, что в жизни мне бы показался такой цвет глаз невероятно уникальным и необычным, но сейчас я смотрела в них и понимала, что именно эти глаза вынесли мне приговор.

Кажется, прошла целая вечность, прежде чем он отпустил моё лицо, а затем, схватив за шиворот одежды, приподнял, как пушинку, и усадил к стене прижав спиной. Глухой стон вырвался из тела, вынуждая подавать признаки жизни. А ведь так хотелось продолжать казаться мёртвой...

Покорно приняв положение, в которое он меня поставил, мы продолжали эту игру в гляделки.

Глаза в глаза...

Лицом к лицу...

Я и этот монстр без лица...

Сознание не до конца пришло в норму, но оно чётко понимало одно — сопротивление абсолютно бесполезно. Мне никогда не справиться с этой горой мышц, и любым сопротивлением я лишь хуже сделаю себе. В моменты отчаяния мозг может принять любое решение, и я его приняла. Достоинно вытерплю и приму всё то, что приготовил мне этот человек.

Его руки опускались к тонкому вороту рубашки, обхваты-

вая его с двух сторон, и вот то мгновение, когда треск материи даёт знать, что «началось». От неожиданности моё тело вздрогнуло, напрягаясь до боли в мышцах... Казалось, будто кости сжаты изнутри и вот-вот готовы треснуть. Рука невольно попыталась скрыть наготу, обнажившуюся из-под обрывков одежды, но мой мучитель не дал этого сделать. Лицо наверняка выражало дикий ужас, но это никак не останавливало монстра. Глаза вмиг загорелись на фоне всего происходящего. Ему нравилось то, что он делает. Наслаждался каждым действием, каждой моей эмоцией.

Изверг...

Откидывая остатки разорванной рубашки, монстр жадно впился взглядом. Я понимала, к чему всё идёт, понимала и то, что никакие мольбы не остановят его исполнить задуманное. Оставалось молиться мирозданию, чтобы всё поскорее закончилось. Но впереди меня ждало много сюрпризов, о которых я и не подозревала.

Протянув свои пальцы к соскам, закрытым лёгкой материей топа, он стал выводить круги.

Отвратительно...

Второй рукой проскользнул за спину, где с лёгкостью растегнул застёжку. Материя, обвивающая мой бюст, ослабла, и одним быстрым движением он сорвал её. Руками я попыталась прикрыться, но он не дал этого сделать. Придавил своим телом, обездвигил... Из-под него мне не выбраться.

Что я знала до этого о страхе?

Ничего!

Сердце выстукивало барабаном у меня в ушах: БУМ, БУМ, БУМ. Дыхание вздымало мою оголённую грудь так быстро и резко, что казалось, содрогается всё тело.

«Этого не может быть, только не со мной... Проснись, скажи, что это всего лишь сон».

Его рука медленно прошла по волосам, убирая непослушные пряди с моего лица. Наклонившись ниже, он жадно вытягивал запах моих волос, словно пробуя его на вкус. Грудь мучителя издала утробный рык, заставляя меня вжаться в стену, буквально слиться с ней. Новая волна первобытного, дикого страха накрыла моё тело. Я зажмурила глаза и, если бы могла, зажала бы уши. Звуки, исходящие от него, буквально сводили меня с ума от страха. Передо мной был не человек, передо мной был зверь, готовый в момент растерзать моё тело, оставив от меня одни ошмётки. Спускаясь вниз, он продолжал вытягивать в себя запах моего тела, от шеи к груди и ниже...

Втянув последний глоток запаха, он отстранился, отпустив из железных тисков мои руки.

Секундная свобода, сопровождаемая лёгкой прохладой, но лишь на мгновение, прежде чем он протянул мне свою руку, возвышаясь сверху. Внутри взорвался вихрь противоречивых чувств: *«Что я должна делать? Играть по его правилам, подчиняясь, или продолжать сидеть, позволяя решать ему, что делать со мной...»*

Боль пронзила ногу... Резким движением его ботинок пнул меня в бедро, вновь приковывая мой взгляд к его вытянутой руке. Я понимала, чего он хочет. Пытаясь протянуть дрожащую руку, я игнорировала все свои протестующие эмоции, тело по-прежнему плохо слушалось. Схватив за ладонь, он поднял меня, как пушинку, помогая встать на ноги. Слегка покачиваясь, я попыталась удержать баланс и не упасть. Ватные ноги с трудом удерживали пошатывающееся тело.

Как же мне плохо...

Глаза рывком пробежались по тёмной комнате: голые серые стены, холодный бетонный пол, мерцающая тусклая лампочка, придающая комнате ещё более зловещий вид. У стены лежал серый матрас, покрытый чёрными пятнами плесени. И больше ничего — комната была пустой. Холод волнами стал пробегать по мне, вмиг заставляя и так ледяное тело ёжиться ещё больше. Меня охватила сильная дрожь, которую невозможно было унять. Эмоции на грани взрыва, глаза начало пощипывать от накативших слёз. Момент — и из глаз полились струйки отчаяния. Как бы я ни старалась совладать со своими эмоциями, это не получалось. Слёзы градом полились из глаз. Отчаяние накрыло, как цунами, потопив меня в желчи страха.

Но моего мучителя не трогали слёзы, как и не волновали мои эмоции. Казалось, он даже наслаждается этим, и это ужасает.

В немом интересе он наклонил голову вбок, протянув руки к моему лицу. Ужас покрывал шею мурашками, вынуждая трястись, как кролика в смертельных объятиях змея... Большие пальцы размазывали по скулам влагу, продолжая свой путь к шее.

— Чшшш... — прошептал тихо, а для меня — словно предсмертный шёпот.

Поднимая блестящие от слёз глаза, я в очередной раз удивилась его огромному росту. Великан, не иначе... Я едва доставала ему до груди.

Не произнося ни слова, он поднёс палец к моему рту, показывая, что я должна молчать. Так страшно мне никогда в жизни ещё не было. Собственными руками прикрываю лицо, в понимании, что это тупик, из которого нет пути обратно.

Но это лишь начало...

Развернул меня так резко, что я и понять не успела, прежде чем ощутила стену лицом и твёрдое тело сзади. Меня бьёт сильная дрожь, а рот так и воспроизводит неконтролируемые звуки. В эти секунды я отдавалась настоящей истерике, понимая, что неизбежность сжала в тиски и уже не отпустит.

Но разве это могло остановить того, кто питался подобными эмоциями? Того, кто именно этого и добивался? Конечно же, нет... И наверняка, мы это оба понимали.

Одной рукой он зажал мне рот, а второй начал шарить по животу в поисках замка на брюках. Срывая пуговицу, этот

монстр в считанные секунды содрал штаны вниз вместе с нижним бельём, оголяя меня полностью.

Перед глазами расплылось, а в голове словно огненный штырь, вызывающий ожоги... Страх жалит с невероятной силой.

Казалось, прошла вечность, прежде чем ослабло давление прижимающего меня тела, а затем он и вовсе отошёл, давая возможность втянуть воздух, которого так не хватало.

— Снимай.

Его голос прозвучал, как раскат грома. Голос низкий, вибрирующий, почти урчащий. Дрожу ещё сильнее, отдаваясь горьким слезам. Не могу успокоиться, да и не хочу, осознавая своё положение.

— Замолчи и снимай, — прозвучало в этот раз более угрожающе. Приказной тон не давал ни малейшего шанса на сопротивление, немного отрезвляя мой разум.

Дрожащими, непослушными пальцами я помогла себе стащить узкие джинсы со ступней. Продолжаю стоять к нему спиной, касаюсь лбом стены.

Стыдно, больно, страшно... Что задумал этот человек? Что сделает со мной?

Тысячи мыслей, и одна ужаснее другой.

— Развернись, — пробасил голосом, а для меня — это очередной приговор.

«Нет, нет, НЕТ, ПРОШУ НЕТ!!!»

Но я боялась произносить хоть что-то: язык онемел, срос-

ся с нёбом, и ничего, кроме жалкого мычания, я не могла издать. Отчаянного мычания...

— Не станешь подчиняться моим словам — я достану хлыст и заставлю подчиняться другим способом.

При слове «хлыст» мои глаза расширились, а по спине прошёлся импульс электричества. Меня словно ужалили сотни ос. Представление об этом оружии пыток заставило от страха сердце пропускать удары. Я нисколько не сомневалась, что может произойти что-то ещё более ужасное, чем то, что происходит сейчас. Без какой-либо жалости мой мучитель выполнит своё обещание. И никто в мире не услышит мои крики.

Закрыв глаза, я медленно развернулась, желая поскорее пройти эти минуты позора...

Тело продолжало подрагивать от холода и страха.

Всё как в бреду... Как в самом страшном кошмаре...

— Подойди.

Он словно дрессировал меня, как собачку, только вот за хорошее поведение мне не давали косточку и не хлопали по голове. Меня подавляли, подчиняли, унижали, ломали.

Сделав неуверенный шаг навстречу этому ублюдку, я вновь почувствовала, как в голове взорвались миллионы сцен, где меня насилуют и причиняют боль самыми изощрёнными способами. Остановив меня жестом руки, он нагло начал разглядывать меня со всех сторон, оценивая то, что он видит. Обойдя и встав сзади, он вновь начал принюхивать-

ся, словно дикое животное перед нападением на свою добычу. Что-то в его действиях мне казалось странным, не соответствующим шаблону поведения похитителя. Он не спешил взять моё тело, он словно наслаждался моим страхом, медленно, смакуя каждую эмоцию, пробуя её, глотая каждый приступ ужаса. Каждое его действие вело к новой порции ужаса, который он вдыхал вместе с запахом моего тела. Словно он чётко знал мою реакцию на то или иное действие, словно рассчитал всё пошагово. И его тактика работала. Он вызывал во мне бурю эмоций по нарастающей шкале — от шокового страха до дикого ужаса.

Убрав мои волосы с шеи, он прикоснулся мокрым языком, пробуя на вкус уже не только мой страх, но и моё тело. Мне стало невыносимо противно ощущать эту влажность на своей коже. Язык скользил от шеи к уху, а затем его зубы вонзились в мочку. И снова уже знакомая волна страха спустилась по телу от головы до пят. Одна лишь мысль о том, что этот человек причинит мне боль, пугала меня до мозга костей. Я попыталась удержать всхлип, но не вышло. Удушающее заывание вырвалось из груди.

— Успокойся, — прошипел в ухо, вызывая вновь приступ истерики, — не в твоей власти что-то изменить.

От этих слов мурашки разбежались по всему телу. Он отобрал свободу, отобрал воздух, отобрал жизнь.

Огромная рука легла мне на шею, не оставляя свободного места на коже. Словно горячий огонь на контрасте с ле-

дяным телом, его рука ошпарила мою шею. Казалось, будто кожа плавится, словно пластик под его рукой. Прижимаясь ближе, он продолжал удерживать пальцы на горле, прикусывая мочку уха и втягивая её в рот. Рука плавно поползла вниз по бугоркам, огибая их и касаясь подушечками пальцев сосков. Легонько погладив их, рука изучающе продолжила свой путь от пупка ниже. Пройдясь по гладкому лобку, его пальцы нырнули в самую мякоть плоти, раздвигая её.

Инстинктивно мои ноги сжались, но это лишь раззадорило монстра. Протискивая колено, он заставил расставить ноги шире, проникая пальцами ещё глубже, к самому входу, поглаживая и изучая меня.

Всё, что я ощущала в этот момент, — это лишь боль и унижение. Переставая сопротивляться, я отдавалась его рукам, понимая, что это неизбежно. Он сумасшедший, а значит, всё равно сделает задуманное. Взгляд устремился в одну точку, а в голове пусто и холодно... Молюсь, чтобы всё поскорее закончилось. И, возможно, это сработало, поскольку его руки остановили движение.

Убирая пальцы, он отошёл.

— Какая сладкая...

Я по-прежнему стояла к нему спиной, боясь пошевелиться и дать хоть малейший повод для продолжения. Но, на моё удивление, он и не думал продолжать, пройдя мимо и направляясь к двери. Вытащив ключ из кармана, он открыл дверь и вышел, защёлкнув за собой замок.

Издав громкий выдох, я сползла на пол, обнимая своё оголённое тело и пытаясь хоть как-то согреться. Впервые за последний час я испытала облегчение. Но это не меняло того факта, что я по-прежнему в плену, и мой монстр вернётся в любой момент. Тело начало дрожать ещё больше — то ли от холода, то ли от страха.

Доползая до матраса, мне было уже всё равно, в каком он состоянии. Легла на него, лишь бы не ощущать холод бетона. Тусклый желтый свет сменился на ядовито-синий, мрак ещё больше окутал комнату. Постепенно липкая паутина страха стала вновь проникать мне под кожу, рисуя в мозгу самые жуткие картины ожидаемого.

Кто он?

Чего добивается?

Как станет мучить меня?

Ведь это всего лишь начало.

Глава 2.

Ну привет Мышонок.

Я не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я провалилась в тревожный, нездоровый сон. Я не видела снов, но постоянно чувствовала чьё-то присутствие. Страх, смешанный с чувством безысходности, не отпускал даже в забвении. Я никогда раньше не задумывалась, насколько мучительно страшно быть похищенной, спрятанной от всего мира, когда никто никогда не найдёт даже твои кости, если этого не захочет безумец, похитивший тебя.

Страх превращается в физическую боль, которая разрастается большим пятном в области груди, пропитывая насквозь кожу, мясо, кости. Это вечно ноющее ощущение, которое не отпускает ни на секунду, будто поселилось внутри меня и медленно сжимает сердце, не оставляя места для воздуха. Каждый вдох отдаётся тяжестью, а тревога лишь сильнее расплзается по телу, заставляя меня цепенеть и ждать чего-то ещё более страшного.

Открыв глаза, я не сразу поняла, где я. Всего доли секунды — и память огромным камнепадом накрыла голову, вызывая острую боль. Никогда я ещё не чувствовала в душе такого отчаяния. По-прежнему голая, униженная, покинутая. В панике я оглядела комнату в поиске своих вещей, но он их за-

брал. Свет вновь сменился с тёмно-синего на тускло-жёлтый. Оглядываю комнату, ощущая жуть, словно кто-то впрыскивает под кожу яд.

Он сидел на том же месте, где я его увидела впервые. Та же поза, тот же взгляд, та же одежда. Всё словно на повторе, с одним отличием — в руках он крутил бутылку с водой. Жажда мгновенно пустила сигнал организму. Во рту стало сухо, горло саднило, словно там песок. Язык прилип к нёбу, которое было раскалено жаром. Заметив, куда устремился мой взгляд, он протянул мне бутылку, давая понять, что она для меня. Я почти была готова кинуться, чтобы отобрать бутылку и осушить её до дна, но факт моей наготы останавливал.

Мне хотелось закрыться от его колкого и похотливого взгляда. Из-под маски виднелись одни лишь глаза, и они пугали. Усевшись и обняв свои ноги, я попыталась прикрыться. От неловкости покалывало всё лицо. Унижение в чистом виде.

— Хочешь пить?

Мои глаза бегали от бутылки к его глазам и снова к бутылке. Слова по-прежнему застревали комом в горле.

— Я знаю, чего ты хочешь! Ты заслужила! Не ожидал, что будешь сидеть тихо, как мышка.

У меня не было никакого желания вести диалог с этим человеком. Единственное, чего я хотела, — чтобы он оставил воду и ушёл.

«Прошу, просто уйди. Оставь меня в покое».

Но я понимала, что этого не произойдёт. Утолить жажду я смогу только в том случае, если подойду к нему так, как он того хочет. Я была готова побороть свой стыд и пройти этот путь позора. Уже почти привстала, как вдруг:

— А... а... а... — он остановил меня взмахом пальца. — Так дело не пойдёт, Мышонок. Ползи!

Последнее слово словно выбило почву у меня из-под ног.

Мои глаза округлились от услышанного. Этот человек целенаправленно пытался унижить меня ещё сильнее, чем уже унижил. Его *«ползи»* заставило почувствовать себя ничтожеством в его глазах.

Адреналин вскипел в крови, и страх начал медленно сменяться злостью.

Это была какая-то изощрённая игра под названием: *«На что ты готова пойти ради выживания?»*

— Я лучше сдохну, чем буду выпрашивать, как собака.

Слова вырвались прежде, чем я успела их обдумать, подарив мне короткую, почти мнимую вспышку смелости.

Его смешок отрикошетил от стен и эхом пронёсся надо мной, возвращая страх.

— Если захочу, будешь выпрашивать не только как собака. Будешь кем захочу я. И делать то, что захочу я. А в конце ещё и ботинки вылижешь в благодарность.

Его стальной голос прошёлся по коже словно лезвием. Он говорил абсолютно спокойно, но именно это спокойствие

проникало в душу и вызывало ещё большую панику.

И снова накативший ужас.

Я понимала, что обречена. Передо мной оставалось только два пути: либо сопротивляться, чем ещё сильнее усложнить и без того безысходное положение, либо вести себя тихо и не провоцировать своего мучителя на нежелательные действия.

— Ползи, и я разрешу тебе попить. Это последний раз, когда я повторяю что-либо дважды.

Он смотрел на меня изучающе, ожидая моего выбора.

Но я уже решила: унижать себя ещё сильнее я не стану.

И он прочитал это в моих глазах.

— Строптивая... Мне нравится. Есть с чем работать.

И с этими словами он открыл крышку бутылки, выливая всё содержимое на пол.

Выдох досады сорвался с губ. Я так хотела пить, но вместо этого была вынуждена наблюдать, как бетон окрашивается в тёмно-серый цвет, впитывая в себя драгоценную для меня воду... А затем я уставилась на то, как на меня надвигается мой монстр, возвышаясь подобно горе.

Сердце затрепыхалось в груди, вызывая новую волну паники. Огромная рука грубо схватила меня за волосы и поволокла в сторону стула, который, видимо, он принёс с собой. Колени больно ударялись о пол, кожа содралась. Жгучая боль пульсировала по всему телу. Но ему было плевать. Он даже не думал церемониться.

Швырнув меня на стул, он принялся обвязывать мои ноги верёвками, привязывая каждую к ножке стула.

«Что ты делаешь?»

Слёзы наполнили глаза, мешая разглядеть происходящее. Растрёпанные волосы липли к лицу и закрывали обзор. Я поняла, что происходит, лишь тогда, когда он перешёл к рукам, жёстко привязывая каждую к железному подлокотнику стула.

Я пыталась вырваться, но все попытки пресекались грубым рывком. Справиться с ним было невозможно. Слишком силён. Слишком груб... Схватив меня за запястья мёртвой хваткой, он сжал их с такой силой, что я невольно вскрикнула, умоляя прекратить.

— Запомни: я говорю — ты выполняешь. И больше никаких «нет», «не хочу», «не буду». С того момента, как ты попала ко мне, я твой хозяин. Теперь я решаю твою судьбу. Его слова обрушились на меня словно ушат ледяной воды. Что?

Хозяин?

Этого не может быть!

Мы что, в каменном веке?

— Я не животное! — кричу ему в лицо, сама испугавшись собственной дерзости.

— Ты хуже животного. Теперь ты моя вещь. И чем быстрее ты это поймёшь, тем легче тебе будет жить.

— Тогда просто убей... — От его слов стало тошно. Слёзы

прорвались наружу мощным потоком. — Мне так страшно...

Закончив привязывать мою вторую руку, он выпрямился и наотмашь ударил меня по лицу. Жгучая боль опалила нижнюю губу, и из лопнувшей кожи выступила тонкая струйка крови. От шока я перестала дёргаться и издавать хоть какие-то звуки. Даже слёзы вмиг прекратились.

Его рука с силой сжала мою челюсть, запрокидывая голову назад.

— Ты жива лишь потому, что я так хочу. И умрёшь тогда, когда я этого пожелаю.

Он резко оттолкнул мою голову и отпустил лицо, позволяя наконец сделать вдох. Агрессия так и хлестала от этого монстра. Я ощущала её каждой клеткой своего тела.

Шутки с ним плохи...

— Правило первое: беспрекословно слушаешься меня и делаешь всё, что я приказываю. Правило второе, по важности такое же, как первое: не открываешь рот, пока я не разрешу. Правило третье: строгое выполнение первого и второго правил.

Он стоял надо мной, продолжая уничтожать одним лишь своим присутствием.

— И что же будет при невыполнении этих правил?

Я выплюнула вопрос ему в лицо. И тут же щёку обожгло вторым ударом. На этот раз пощёчина оказалась настолько сильной, что на мгновение мне показалось, будто голова слетела с шеи. Перед глазами вспыхнули яркие искры.

— Испытай меня ещё раз. Тогда и узнаешь.

В этот раз крупные алые капли стекали из носа по подбородку, падая на стул между широко раздвинутых ног. От вида собственной крови мне стало совсем не хорошо. Голова наливалась тяжестью и раскалывалась от тупой, пульсирующей боли.

Как же больно...

Открытым ртом я пыталась втянуть воздух. Много воздуха...

— Сука... — рыкнул он надо мной, а затем чуть тише добавил: — Блядь... Извини. Не рассчитал силы. Звучит так, будто меня случайно в автобусе пнули... Смешно.

Запрокинув мою голову, он попытался вытереть кровь рукой, только сильнее размазывая её по лицу.

А я старалась не шевелиться. Слёзы молча стекали из глаз. Теперь душевная боль тесно переплелась с физической, превратившись в одно сплошное страдание...

Выйдя за дверь, он оставил меня одну, привязанную к этому жуткому стулу. В крови. Не знаю, сколько я так просидела — пару минут или целую вечность. Время словно перестало существовать и текло теперь как-то иначе. Закрыв глаза, я старалась расслабиться и хоть немного унять боль, пульсирующую в голове. К тому же, вид собственной крови пугал.

Я почти перестала чувствовать руки. Они стали белыми и холодными. Тело немело, словно медленно умирало.

Нет. Я жива.

Жива!

Я дёргала руками и ногами, но всё было бесполезно. Чем сильнее пыталась вырваться из верёвок, тем больше они врезались в кожу. Боль была повсюду. Приходилось сидеть неподвижно, чтобы хоть немного уменьшить собственные мучения. Он не возвращался. Долго.

Я уже почти погрузилась в дремоту, когда дверь с грохотом распахнулась и ударилась о стену. В проёме стоял он. В одной руке — полотенце, в другой — бутылка с водой. Подойдя, он аккуратно принялся вытирать засохшую кровь с моего лица. Затем, откупорив бутылку, приложил её к моим губам.

Вода потекла по горлу, смывая сухость и боль. Я жадно глотала, боясь, что в любой момент он отнимет бутылку, так и не позволив мне утолить жажду. Но он этого не сделал. Позволил мне выпить столько, сколько я смогла. Затем намочил другой конец полотенца и снова вытер моё лицо. Я перестала бояться. Перестала дрожать. Я вообще перестала чувствовать. Внутри возникло странное, почти пугающее спокойствие. Наверное, я была в шоковом состоянии. Полная апатия к происходящему... Больше нет дикого страха. Нет больше ужаса... Лишь пустота. Всепоглощающая, угнетающая, убивающая.

Внутри словно что-то надломилось. Сломался маленький механизм, отвечающий за работу всего организма. Взгляд застыл на одной точке, и казалось, что вместе со мной остано-

вилаась и жизнь.

Мой мучитель сидел на полу напротив и молча разглядывал моё тело. Сантиметр за сантиметром, словно изучал каждый изгиб, каждый изъян. Запоминал. Меня уже не смущала собственная нагота, как и не пугала его жуткая маска, скрывающая всё, кроме глаз. Я была полностью эмоционально опустошена.

Зато его глаза выражали явное замешательство.

Он словно что-то обдумывал, устраивая в собственной голове настоящий мозговой штурм. Его голова то склонялась набок, плечи одновременно приподнимались, то снова выпрямлялась. Возможно, он прокручивал в голове определённый сценарий действий и примерял его на меня.

Он казался озадаченным, в то время как я теряла себя... Прошло достаточно времени, прежде чем кто-то из нас сдался, проиграв гробовой тишине.

И это была не я, после его действий. Всклип.

Он возвысился надо мной, словно великан, и резким ударом впечатал кулак в стену прямо над моей головой. Последовало ещё два удара в то же место. Штукатурка осыпалась прямо на меня.

Казалось, я вижу всё в замедленной съёмке. Он продолжает долбить кулаком стену где-то надо мной. Теперь стоит тяжело дыша, вздымая грудь, а с разбитой руки стекают капли крови, образуя маленькие бордовые лужицы.

Неужели следующей буду я?

Вобьёт в меня свои мощные кулаки и сломает в три удара... Я смотрела на него, ожидая удара. Но картинка резко сменилась. С рёвом он швырнул матрас с такой силой, что тот, ударившись о стену, распоролся, выпуская наружу ватные внутренности.

Широкая грудь ходила ходуном в бешеном ритме. Его охватила дикая ярость, и я не понимала причины. Ведь я по-прежнему старалась не шевелиться и не произносить ни слова. Казалось, в этот момент он свернёт мне шею, поставив точку в моих мучениях. Но вместо этого он вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Свет снова сменился на тёмно-синий.

Казалось, всего мгновение назад в комнате бушевала буря, а затем наступило затишье. И не только в комнате, но и в моей душе. Я чувствовала себя уставшей, подавленной, обессиленной. Он оставил меня сидеть на этом проклятом стуле — привязанную по рукам и ногам, обездвиженную.

Кожа сильно саднила, нос отзывался лёгкой болью. Всё тело ломило из-за невозможности выпрямиться. И снова мучила жажда. Эта ночь показалась мне адской. Я медленно сходила с ума от физической боли. Синий свет невыносимо давил на мозг. Казалось, я нахожусь на грани между реальностью и безумием.

Тело часами сигналило уже не просто о дискомфорте — о боли. Жгучей, невыносимой, становившейся всё сильнее. Каждый сустав, каждая мышца словно окаменели. Руки и но-

ги буквально жгло изнутри и снаружи. Каждое движение отзывалось ударом тока.

От недостатка жидкости во рту всё пересохло, стало больно глотать. И когда боль достигла пика, я взмолилась.

— Прошу... — чуть громче. — ПРОШУ, ПРЕКРАТИ ЭТО! Отвяжи меня! Умоляю... умоляю...

Снова слёзы.

Снова истерика.

Новая волна эмоций...

Но дверь по-прежнему не открывалась.

Дёргаясь, я пыталась избавиться от дьявольских пут, обвивавших руки и ноги, но всё оказалось бесполезно. Я вредила себе ещё больше, готовая распрощаться с конечностью, лишь бы прекратить ощущать эту ноющую боль в суставах.

— Я буду делать, как ты хочешь... Прошу, освободи меня.

Слёзы стекали с подбородка, смешиваясь со слюной. Тело изнывало от переизбытка ощущений. А голова перестала мыслить здраво, мечтая лишь об освобождении.

Я готова на унижение. Готова на всё, лишь бы прекратилась эта боль.

Я продолжала молить, надеясь, что он где-то рядом и услышит мои крики, но дверь по-прежнему не открывалась.

И тогда я закрыла глаза и закричала изо всех сил, во весь голос, разрывая гортань отчаянным воплем.

— Я услышал. И с первого раза.

Дверь распахнулась и с грохотом ударилась о стену. Он

стоял в проёме, словно спаситель.

Но никакой он не спаситель.

Он — причина.

— Прошу... умоляю... развяжи меня... — почти беззвучно прошептала я одними губами, понимая, что сил больше нет.

Каждый его шаг отдавался гулом в голове. Я едва могла сосредоточить взгляд на нём, разглядывая что-то блестящее в его руке. Холодная сталь коснулась скулы, опустилась к подбородку и ниже. Настоящий охотничий нож с опасными зазубринами.

Снова этот колкий страх, забирающийся под кожу. Снова вся нервная система на пределе.

— Значит, будешь пайнкой и выполнишь всё, что я скажу?

Приподняв мой подбородок ножом, он заглядывал мне в душу. Судорожно качнув головой, я была готова на всё что угодно, лишь бы прекратилась эта боль.

Медленно от шеи он провёл лезвием по телу, прошёлся между ложбинкой груди и опустился ниже, оставляя тонкую дорожку. Тело дрожало от каждого прикосновения стали. Казалось, он вот-вот вспорет меня, как мешок, а я растекусь лужей у его ботинок...

Остановившись у пупка, он убрал нож и наконец разрезал верёвки, освобождая меня. Кожа на руках была стёрта грубой верёвкой и теперь начинала нестерпимо печь.

Боль повсюду.

Страх повсюду.

Дотронувшись до запястья, я попыталась растереть кожу, но от этого стало только больнее. Ноги дрожали, пытаюсь удержать моё тело. Всё тело будто стало чужим. Каменным. И снова мы стояли друг напротив друга.

Огромная глыба и крохотная я.

Схватив меня под руку, он повёл вдоль стены, пока мы не добрались до странной выемки. Толчок — и перед нами распахнулась дверь. Открыв её, он легонько впихнул меня внутрь.

— Помойся и приведи себя в порядок.

Душ в стене и унитаз.

В этой узкой коморке больше ничего не было. Я стояла в немом оцепенении, растирая руки и не веря своим глазам. Душ для меня был настоящей роскошью в этом аду.

Встав под струи воды, я наслаждалась первыми каплями, падающими на кожу. Хоть что-то приятное среди этого ужаса. Вместе с водой словно стекала и вся моя боль.

До безумия хотелось тереть собственную кожу, стирая с неё все негативные воспоминания последних нескольких часов. Открыв рот, я позволила воде проникнуть внутрь, жадно глотая её.

Закрыв глаза и подставив лицо под струи, я невольно замечталась раствориться, стечь вместе с водой в слив и исчезнуть далеко от этого жуткого места.

Мои мысли прервались от чужого присутствия. Чья-то рука опустила ручку подачи воды, и я вернулась в реальность, понимая, что нахожусь здесь не одна.

Вновь липкий страх. Он обхватывал меня своими объятиями и пачкал... Пачкал...

— Хватит плескаться. Выходи.

Капли стекали по волосам и мокрому телу. Я осторожно оглядела пространство в надежде найти полотенце, но его не оказалось. Резкий толчок в спину дал понять, что я должна двигаться к выходу.

Босыми ногами я прошла по холодному полу, оставляя мокрые следы. Снова холод начал покалывать кожу и сотрясать тело. Войдя в комнату, я сразу заметила лежавшее на стуле полотенце. Он быстро преодолел расстояние до стула и схватил его.

— Подойди.

Внутри вновь натянулась струна страха, но я не осмелилась послушаться. Робкими шагами я пересекла комнату, опустив взгляд в пол. Встав позади меня, он стал протирать волосы, оборачивая их полотенцем. Затем накинул его мне на плечи и принялся промачивать лишнюю влагу.

Его руки казались такими горячими, что жар ощущался даже сквозь толстую материю. Опускаясь ниже по спине, он аккуратно прошёлся по ягодицам, обтирая кожу, почти ошупывая меня. Просунув пальцы под полотенце, он скользнул между ног, раздвигая их и проводя по влажным складкам.

Затем развернул меня лицом к себе и стал обтирать тело спереди, двигаясь от груди вниз.

Я старалась не смотреть на него, боясь спровоцировать на ещё более жестокие действия. Каждый его жест казался странным и совершенно неправильным. Мне не нравилась эта грязная игра в плохого и хорошего, но страх боли и жестокости вызывал ещё больший ужас.

Не стоит тянуть льва за хвост, особенно когда он в бешенстве.

Закончив свою странную экзекуцию, он скинул полотенце на пол и надавил обеими руками мне на плечи, заставляя склониться.

— Опустись на колени. Возражения не принимаются.

Что? Мне не послышалось?

Я должна склониться перед этим человеком в самой унижительной позе, показывая свою покорность?

Тело вновь начало бить в лихорадке, руки задрожали.

Я не хотела опускаться на колени перед этим человеком, но он пугал меня до изнеможения.

— Ну же, Мышонок. Мы это уже проходили. Это неизбежно.

Его медовый голос звучал как предупреждение, напоминая, что дальше последуют действия, если я не подчинюсь.

Уничтожай.

Властвуй.

Подчиняй.

Истинная суть человека, стоящего передо мной.

Медленно присев, я опустилась на колени. И снова слёзы градом катились по лицу, капая с подбородка. Большого унижения я никогда не испытывала в своей жизни. Меня могли оскорблять, но никогда не происходило ничего подобного. Никто и никогда не ломал мою волю. Мою силу. Моё эго.

Рука легла поверх головы, поглаживая её, словно я собака, выполнившая команду хозяина.

Мерзость.

— Хорошая девочка. А теперь не двигайся до моего прихода. Советую не рисковать своей красивой шкуркой, нарушая мой приказ.

Он ушёл, а я испугалась, что мне придётся просидеть так несколько часов.

Но он вернулся спустя несколько минут. Держа в руке тарелку с едой, монстр вошёл в комнату, пододвинул стул и сел напротив меня. Сладкий аромат наполнил комнату. В мгновение рот наполнился слюной, а живот жалобно заурчал.

Я не знала, сколько времени уже не ела, и лишь при виде еды моё тело вспомнило о голоде. На тарелке лежал аппетитный омлет с кусочками мяса и помидорами черри.

Мне хотелось впиться ему в руку, лишь бы отнять тарелку и запихнуть в рот всё без остатка. Я превращалась в дикарку, готовую поглотить эту еду. Его пальцы оторвали сочный кусочек и протянули мне.

Пытка продолжалась.

Внутри снова взбунтовался протест. Борьба между голодом и унижением. И в этой ожесточённой борьбе победил человеческий инстинкт.

Тело проиграло разуму. Я потянулась к его руке и обхватила пальцы губами, всасывая в себя желанный кусочек. Медленно прожёвывая его, мне хотелось стонать от удовольствия. В эти секунды мне казалось, что я ем самый восхитительный омлет в своей жизни. Но мысль резко омрачилась воспоминанием о том, кем он был приготовлен.

Глаза невольно скользнули к монстру, ужасаясь его величю и собственной покорности.

Сломал.

Второй протянутый кусочек я откусила уже без сопротивления. Казалось, словно это нормально — есть с рук человека, который мучает и издевается над моим телом.

Всё лучше, чем ощущать невыносимую боль. И если для этого следует слушаться, я готова.

Съев последний кусок, я готова была вылизать тарелку от удовольствия. Но ледяной взгляд синих глаз быстро привёл меня в чувство.

— Сегодня можешь спать укрытой.

Его взгляд указал на матрас, сверху которого лежало свёрнутое покрывало.

С этими словами он покинул комнату, унося пустую тарелку.

И снова загорелся ненавистный ядовито-синий свет.

Глава 3.

Я познакомлю тебя с болью.

Снова тревога, снова вокруг темнота и чьё-то присутствие.

Какой-то шум.

Затем затишье.

И снова я проваливаюсь в холодную темноту — такую пугающую, липкую, засасывающую, проникающую в каждую клетку моего тела. И снова этот шелестящий звук выбрасывает моё сознание на поверхность.

Лязг — и мои глаза широко распахиваются. Предчувствие чего-то жуткого мгновенно пропитывает моё тело, вызывая ощущение падения и покалывание по всему телу. Он стоит ко мне спиной и что-то делает. Широкая спина скрывает его действия, но не может спрятать отдельные детали жуткого сооружения. С двух сторон из потолка торчат анкерные болты с кольцами. Продетая между ними толстая цепь свисает вдоль стены. Прodeв цепь через ещё один анкер в стене, он сильно дёргает её, создавая очередной пугающий шум. Так вот для чего эти штуки...

По венам разбегается волна горячей крови, ошпаривая изнутри. Прижав к себе покрывало, я подскакиваю со своего «мягкого» ложа и вжимаюсь в стену.

Если бы я только могла пройти сквозь неё...

— Нет, НЕТ, ПРОШУ... Не надо.

Я не знала, что он собирается делать, но понимала, что это сооружение готовится для меня. Он медленно повернул голову, и от его ледяного взгляда кровь начала холодеть в жилах, делая моё тело каменным. Снова ненавистные мне слёзы, словно кислота, стекали и прожигали мою кожу. Я чувствовала себя загнанным зверем, который не может сбежать из капкана. Мне не хотелось умирать такой жуткой смертью. Мозг уже начал рисовать свою дьявольскую картину, изображая самую жуткую кончину. Сердце выстукивало бешеный ритм, создавая высокое давление в ушах. Казалось, голова взорвётся, разбрасывая ошмётки моего тела.

Развернувшись, мой мучитель быстрым рывком направился в мою сторону. Эти доли секунды мне показались вечностью. Я вскрикнула, когда его рука схватила меня за волосы.

Пытаясь отбиться, я вцепилась когтями ему в грудь, оставляя царапины. Когти впивались в кожу, сполна возвращая всё то, что он мне сделал. Я долбила кулаками по его плечам и животу, но каждый удар — будто я билась о твёрдую стену. Всё его тело высечено из камня. Нереальный, ненастоящий. В попытке высвободить волосы из его тисков я вывихнула палец и сильно закричала. Это было похоже на бой льва с мышью. Но чему быть, того не миновать. Одним движением он скрутил мои руки и опрокинул на матрас. Он поз-

волил мне нанести эти царапины, удары по его телу, позволил попытаться отбиться. Он знал, что я попытаюсь, и позволил, создавая иллюзию борьбы. Наверняка, это должно было помочь смириться с мыслью: *«По крайней мере, я попыталась»*, — но не помогло. Показывая свою мощь, этот монстр продемонстрировал, что я ничто... прутик в его руках, который он с лёгкостью переломает, если захочет. Он мог с самого начала одним движением усмирить меня, но не сделал этого.

А сейчас, придавив меня своим тяжёлым телом, он вытянул мои руки и сдавил их между ног. Сложив верёвку вдвое и соединив её в узел, он просунул мои запястья в отверстие, пропуская верёвку между средним и безымянным пальцами, и отрегулировал натяжение петли. Верёвка плотно прижимала ладони друг к другу, но не причиняла боли. Затем он закрепил петлю несколькими узлами. Содрогаясь всем телом, я до последнего пыталась вырваться. Но он слишком крепко прижимал моё тело, не давая возможности продохнуть.

Развернувшись спиной и насадая сверху, он то же самое проделал с моими ногами. Я пыталась кричать, умоляя его не делать этого, но всё было бесполезно.

Встав на ноги одним рывком, он поднял меня и накинул себе на плечо. Панический страх вырывал из меня воздух, не давая возможности кислороду вернуться обратно в лёгкие. Казалось, комната сужается, придавливая меня, а я задыхаюсь. Рыдания вырывались из груди.

Подойдя к стене, он скинул меня на пол, как тряпичную куклу. При столкновении с полом по телу прошла волна боли — от бедра и выше. Но эта боль была ничем по сравнению с ужасом, сковывающим меня. Я была шокирована, увидев в его руках огромный крюк с цепью на другом конце. С ужасом я попыталась отдёргнуть руки, но всё было без толку. Он продел крюк между запястьями, цепляя верёвку, связывающую их. Цепь тянулась вверх, к потолку, а другим концом опускалась к анкеру, торчащему из стены. Ухватившись за цепь, он медленно начал тянуть её на себя, пропуская через свои пальцы звено за звеном. Эта жуткая картина навсегда останется в моей памяти и будет сниться в самых страшных снах. Мои руки натянулись вверх вместе с телом. Цепь упорно тянула меня вверх, приподнимая и растягивая мои суставы. И когда мои ноги оторвались от пола, я взывала от боли, вызванной тяжестью собственного тела. Зафиксировав цепь болтом так, чтобы я продолжала болтаться в воздухе, он обошёл меня со всех сторон, словно любуясь своей работой. Ядовитое наслаждение и удовлетворение читались в его глазах.

Обливаясь слезами, моё тело медленно раскачивалось, создавая ещё большее натяжение. Мне было больно даже дышать, не говоря уже о криках.

— Так ты мне нравишься куда больше, — сказал он с наслаждением, даже с каким-то особым, изощрённым причмокиванием. — Посмотри, что я для тебя приготовил.

Раскрыв рюкзак, стоящий у стены, он стал раскладывать на полу передо мной ужасающие приборы и орудия пыток — иначе я никак не смогла бы назвать эти предметы. К тому же половины из них я даже названий не знала, не говоря уже об их применении. Плётки, большие и маленькие, кнуты, флогеры с длинными и короткими лоскутами, стеки.

Мне казалось, я теряю сознание и лечу в пропасть. Но тело словно специально удерживало моё сознание на грани, не позволяя отключиться от этого ужаса.

— Ты пробовала хоть раз порку, Мышонок? Кто-то хоть раз прикасался к твоему телу таким способом?

Мне хотелось кричать, но голос словно застрял где-то между лопатками. Я хаотично замотала головой.

Он не спускал с меня взгляда. Казалось, он улыбается.

— Значит, я буду первым. Хочешь выбрать что-то из этого? — Голос с хрипотцой так и вибрировал у меня в висках.

Рукой он продемонстрировал свой богатый арсенал, замолкая и давая мне право выбора. Вот только выбирать я совершенно не хотела.

Глаза застилали слёзы, тело болело. Какие ещё пытки меня ждут впереди?

Истерика подкатывала к горлу, образуя разрывающий ком.

— Хорошо. На первый раз выберу я.

И, взяв в руки флогер с длинными кожаными хвостиками, он обошёл меня, встав позади.

Не могу унять дрожь. Не могу унять страх...

— Ты можешь кричать, можешь плакать — любое твоё действие принесёт мне наслаждение.

Первый удар лёг на мои ноги, вызывая крик. Прикосновение не причинило сильной боли — лишь страх ожидания следующего удара, который прилетел на мои бёдра. Каждый удар приходился по новому месту, но не причинял той боли, которой я ожидала. Каждый удар распалая кожу.

Удар, ещё удар.

Ещё удар — и вот я уже просчитываю секунды между ними, точно зная, когда последует следующий. Мысленно дойдя до цифры пятнадцать, я почти приготовилась к следующему удару, но его не последовало. Вместо этого цепь снова лязгнула, а затем моё тело медленно стало опускаться, пока пальцы ног не ощутили твёрдый пол.

— Я облегчу тебе твою участь, Мышонок, — шепнул мне почти у самого уха. Рой мурашек разбежался по затылку и шее.

Я почувствовала лёгкий ветерок дыхания... или мне показалось? Он снял маску?

— Не оборачивайся, пока я не разрешу, или я снова тебя подвешу, — в этот раз прозвучало куда более угрожающе.

Я не рискнула испытывать судьбу. Любопытство было на грани, но страх перевешивал чашу. Его рука медленно ощупывала покалывающую кожу на бёдрах, поглаживая её. В доли секунды телу стало холодно, и я поняла, что он отошёл,

встав на прежнее место.

Вот он, шанс воспользоваться ситуацией.

— Зачем ты это делаешь? Меня пугает всё это, прошу, прекрати... — Надеюсь, что у монстра есть душа. Но разве она есть?

— Прекратить? Мы только начали развлекаться, Мышонки. Впереди нас ждёт очень много веселья. Не бойся, я тебя не изувечу. Я буду очень аккуратным, — усмехается позади, а я будто под лёд упала и теперь барахтаюсь в густой жиже, без возможности вынырнуть.

Рука легла на живот и прижала моё оголённое тело к своей горячей груди. Казалось, этот пылающий камень может согреть тело за секунды. И так оно и было. Тепло передавалось от него ко мне.

— Я покажу тебе Рай, но сперва придётся пройти Ад.

— Я не хочу, прошу,пусти ме... — Договорить я не смогла. Вторая рука легла на рот, полностью закрывая его.

— Никаких слов, молчи, — с этими словами он едва прикусил кожу на шее, цепляясь клыками за пульсирующую вену.

Мгновение — и тело обожгло новым ударом. Я вцепилась пальцами в цепь, словно она давала мне храбрости. Удар показался сильнее. Затем ещё один, по силе такой же, как первый. Удар за ударом ложились на бёдра, и каждый казался чуточку сильнее прежнего. Молилась, чтобы вся эта экзекуция поскорее закончилась. Кожа начинала гореть огнём, но

боль казалась терпимой. Пыталась молча выдержать эту попытку, но стоны так и вырывались, отражаясь от стены, смешиваясь с хлопками, издаваемыми плёткой. Эта странная симфония кожи и плётки медленно проникала в уши, проползая куда-то в глубины тела, успокаивая и убаюкивая. Я закрыла глаза, попытавшись расслабиться и поддаться странному чувству, отдалённо напоминающему эйфорию. Тело перестало напрягаться, принимая каждый удар. А затем и вообще прекратилось какое-либо ощущение боли, словно кожа больше не реагировала на инородное тело, соприкасающееся с нею. Цепляюсь за это странное ощущение. Каждый удар казался поглаживанием. Все внешние факторы перестали меня тревожить, а мысли начали уносить далеко за грань реальности, создавая странные узоры разного цвета перед глазами, странное ощущение, будто я, как в детстве, смотрю в калейдоскоп.

Уплывая в недра узоров, казалось, я лечу где-то высоко, и мне хочется открыть глаза, чтобы оглядеть всё с высоты птичьего полёта, но глаза слиплись, не позволяя увидеть происходящее. Казалось, будто лёгкая дремота обволокла всё тело, лаская своей теплотой, давая ощущение безопасности. Дискомфорт во всём теле уступил место приятной неге, разливающейся по моему телу. И снова ощущение полёта, и так тепло, и так хорошо...

Я открываю глаза, не понимая, что произошло. Секунду назад я была привязана к жутким цепям, а сейчас лежу на

матрасе, укрытая пледом, в объятиях своего чудовища. Он прижимал меня сзади, создавая подобие печи. Жар, исходящий от него, помогал согреться моему дрожащему телу. По накатанной дрожь проходила по телу, сотрясая его. На душе впервые спокойно, и мне почти всё равно, что произошло сейчас, и как я оказалась на матрасе, и почти всё равно, что самый опасный человек в этом мире сейчас находится так бесстыдно близко к моему голому телу, и почти всё равно, что я не знаю, где нахожусь. Никаких забот, никакого страха, никакой боли. Хотелось лишь одного — тепла, загребать его, словно жар, укутываясь в него с головой. Глаза медленно прикрылись, и снова я провалилась в забвение. Мне нравилось это чувство успокоения, и я хотела, чтобы оно продолжалось бесконечно. Впервые рядом с этим дьяволом мне было не страшно и даже уютно.

— Я не ожидал такой отдачи от тебя, — снова шёпот в ухо, но в этот раз куда мягче, ласковее, что ли... — Это лучшая благодарность, Мышонок. Твой сабспейс великолепен.

Слова убаюкивали, ласкали, кружились у меня в голове, создавая узоры, переплетённые между собой. Благодарность, ОТДАЧА, саб... что?

Мысли снова ускользали. Не хочу думать об этом сейчас, подумаю об этом позже. Дрожь понемногу стала проходить, тепло разливалось по всему телу, создавая кокон. И я готова была лежать так вечно, если бы мой мучитель не разорвал эту связь и не отпустил моё тело, позволяя холоду проникать

под подол покрывала. Мне хотелось закричать, ударить его, не позволять разрушать мою гармонию, но тело словно не слушалось. Я продолжала лежать, частично блуждая в своём сознании, едва понимая, что происходит.

Он вышел из комнаты, покинул меня, создавая чувство одиночества. Казалось, комната снова стала пустой, холодной, а я — самым одиноким человеком на этой планете. Хотелось закричать, чтобы он вернулся, и тут же противоречивые чувства перебили этот парад блаженства.

«Ты хочешь позвать человека, который создал всё это, который выкрал тебя в ночи и держит взаперти, на привязи, как животное? Человека, который унижает тебя, бьёт плетью? Человека, который давал своё тепло, прижимаясь и поглаживая твоё тело! Человека, который унёс в страну грёз! А человек ли?»

Мысли путались, менялись, боролись за право быть важными и правильными...

Дверь распахнулась, и я открыла глаза, возвращая сознание в реальность.

Он держал в руках тарелку с чем-то и, по всей видимости, горячую кружку чая. Аромат пряностей разносился по комнате, проникая в нос, раздражая рецепторы. Мне захотелось именно этого чая, словно он знал, чего я хочу, и принёс его заранее. Я попыталась приподнять расслабленное тело. Лёгкая, но приятная усталость растекалась по жилам, по венам, по мышцам. Он поставил тарелку на пол и помог привстать.

На секунду возникло ощущение заботы, словно между нами не стоит чудовищное преступление, совершённое им. Горячая рука пригладила волосы, убирая всё лишнее с лица, прикасаясь к щеке. Он зарылся пальцами в пряди, прикрывая почти половину моего лица своей рукой. Я продолжала молча смотреть ему в глаза, разглядывая зловещую чёрную маску.

— Зачем ты прячешь лицо? — неожиданно вырвалось из меня. Язык стал работать быстрее мыслей. И тут же, потеряв интерес к своему вопросу, я уставилась на чашку, протянутую мне.

Хватаясь за кружку, я глотала сладкую жидкость, наслаждаясь этим горячим напитком.

Глоток — и я застонала от удовольствия. Сладкая жидкость заливалась в тело, скатываясь в желудок. Происходило что-то непонятное мне, за гранью моего понимания. Словно я приняла наркотики, изменившие сознание и восприятие. Но я ничего не пила и не ела.

— Что ты сделал? Почему я так себя чувствую? Ты подсыпал мне наркотики?

Он громко усмехнулся, рухнув тяжёлым телом напротив меня.

— Думаешь, мне нужны наркотики, чтобы унести тебя в свой мир? Со временем я научу тебя высшему удовольствию без каких-либо психотропных веществ. Я стану твоим личным наркотиком, Мышонок.

— У меня есть имя! — пытаюсь выговорить громче своим непослушным языком.

И снова слышу, как он громко ухмыляется.

— Я знаю.

— И у тебя оно есть.

— Есть! Но тебе оно недоступно.

— Как и твоё лицо... — сказала совсем тихо, пытаюсь разгадать эту загадку.

— Да, как и моё лицо.

— Почему? Ты держишь меня взаперти и наверняка уже не отпустишь. Зачем скрывать своё лицо? Что ты собираешься делать со мной?

Он молча смотрел на меня, словно обдумывал слова, обдумывал ответ. Опять устрещающе вздёргивает плечами, разминая мышцы. Что он за чудовище такое?

— Ты здесь потому, что я так захотел. Я наблюдал за тобой уже давно. Твоё уныние, твоя апатия, твоя грусть создали страшный коктейль печали внутри тебя. Ты словно была покинута всеми и сама призывала меня, вынуждая обратить на тебя внимание. Заманила, как сирена, и я откликнулся на твой зов.

— Что ты говоришь такое? — Мурашки с привычной силой пробежались по телу, вздымая волосы на руках. — Это моя жизнь, и я сама хотела решить, как её прожить. Ты не знаешь, что происходило со мной. Ты не имел права ворваться в мою жизнь, похитить меня. Ты не имел права решать за

меня.

Хотелось плакать, но казалось, сил нет даже на это.

— Но я решил изменить твою жизнь, превратить твою печаль в нечто иное. Я захотел тебя — такую грустную, беззащитную, хрупкую. И теперь ты только моя.

«Моя!» Прозвучал страшный приговор. Мир пошатнулся, сдвинулся с привычного места и заставил меня лететь в пропасть.

— А если я не хочу быть твоей?

— У тебя нет выбора. Любое неподчинение будет караться наказанием. Теперь твой мир — Я, твой бог — Я, твой ХОЗЯИН — Я.

Рука дрогнула, разлив горячий чай на покрывало. Холодок начинал проникать сквозь пальцы ног, замораживая их, поднимаясь выше. Стало вновь страшно. В голове складывались маленькие пазлы, создавая очертания страшной картины. Этот человек не просто похититель, он настоящий маньяк-извращенец. И лишь чёрту известно, что он уготовил для меня, какие грязные, изощрённые игры. Становилось не просто страшно умереть — нет, стало страшно жить. Ведь я ему буду интересна, только пока я дышу.

— Хватит изводить себя. Будь послушной, и всё будет хорошо. У нас будет действовать правило «кнута и пряника». Наказание не только за плохое поведение, но и поощрение за хорошее.

— Поощрение в виде чего?

— Я буду выполнять по одному твоему желанию.

— И что же, я могу просить?

— Всё, что захочешь, кроме свободы, конечно же. Всё, что не выходит за грань этой комнаты.

— И как я пойму, что заслужила желание?

— Моей похвалой.

Странная игра. Неужели всё это происходило по-настоящему?

В голове раздался щелчок.

— Значит, я заслужила первое желание? — С щенячьим восторгом спросила я.

Казалось, глазами он улыбнулся и качнул головой, давая знак согласия.

— Я хочу одежду.

— Хорошо. Будет для тебя одежда. Но чуть позже. Ты должна доесть всё с тарелки.

Сэндвич с ветчиной и огурцом лежал на тарелке, привлекая моё внимание.

Голод.

Я ухватила за еду и почти проглотила целиком откусанные куски. Желудок довольно заурчал, благодаря за еду.

Он поднялся на ноги и, забрав пустую тарелку и кружку, направился к двери.

— Прошу, оставь свет.

— Нет! Ты ещё не заслужила.

Дверь захлопнулась, свет снова сменился. Загорелась

ненавистная синяя лампа, окрашивая и без того унылую комнату в отвратительный цвет. Я продолжала сидеть на своём месте, кутаясь в тонкое одеяло, сохраняя последние крупицы тепла. В голове столько вопросов, и ни один из них я не успела задать. Погружённая в размышления, я не заметила, как тело скатилось по стене, а я провалилась в глубокий сон, где ничто не тревожило.

Глава 4.

После кнута всегда идёт пряник.

Мне снились цепи, снилась боль, проходящая сквозь руки, создаваемая тяжестью моего тела. Тяжёлые хлопки об оголённое тело: один, второй, третий. Кожа бёдер и ягодиц болела, словно тысячи пчёл жалили меня. Казалось, за спиной стоит жуткий монстр с изувеченным, страшным лицом. Хотелось бежать, но привязанные ноги и руки не давали этого сделать. Я пыталась кричать, но жуткая рука с когтями легла на рот, не давая издать ни звука. Сердце почти выпрыгивало из груди. И тут когти стали вспарывать кожу на бёдрах. Я очнулась от резкой боли. Кожа болела не только во сне, но и в реальности, передавая эти ощущения через сон.

Он, как и в прошлые разы, сидел на своём прежнем месте у стены, упираясь спиной и свесив руки с колен.

— Мучают кошмары? — голос жуткий, нереальный, почти рычащий.

— Да! И не только во сне, — приподнимая тяжёлую голову, огрызнулась я. Сон ещё не выветрился, отголоски испуга продолжали присутствовать в моём разуме. Резкий удар пакета о стену, прилетевшего с его стороны, заставил меня снова вздрогнуть.

— Это тебе.

Дрожащими пальцами я раскрыла пакет, ожидая увидеть всё что угодно, но не это... Прозрачные чёрные трусики, шёлковый чёрный пеньюар и баночка с шампунем.

— Ты не уточнила, какую одежду хочешь. Выбор я взял на себя. И одежда обмену не подлежит. К тому же, ты получила первый бонус.

Я не стала возражать, понимая, что он и это может отобрать.

— Можно мне... кх... Можно мне пойти в душ?

— Десять минут, — громко пробасил он.

Взяв пакет, я почти пулей промчалась в ванную, прикрыв дверь и прижавшись к ней спиной, словно она могла защитить от этого чудовища.

Встав под горячие струи, я наслаждалась ручейками, стекавшими по телу. Кожа ягодиц и бёдер была исполосована красными линиями. Я аккуратно растирала саднящие места, пытаясь вымыть вчерашний день с себя. Раны на руках и ногах пощипывали и выглядели просто ужасно.

Выйдя из душа, я обнаружила полотенце, лежащее на умывальнике. Обтерев своё тело, я стала примерять своё новое «домашнее» платье. Казалось, оно не скрывает наготу, а ещё больше подчёркивает контуры, выставя округлости напоказ. В комнатке не было зеркала, чтобы понять, как я выгляжу, но, видя себя сверху, я уже понимала, что уж явно не как благопристойная девушка. Мне не хотелось выходить

в таком виде, но громкие удары в дверь напомнили, что пора выходить из своей норки — кот хочет поиграть.

Приоткрыв дверь, я увидела его стоящим передо мной. Его руки были сложены на груди, прикрывая замысловатые переплетения татуировки. Впервые я обратила внимание на его руки. От локтя также исходили чёрные узоры, поднимающиеся к плечам. До этой минуты глаза видели лишь страх, не улавливая многих мелочей. Среди мелких узоров проглядывались страшные шрамы, больше похожие на широкие порезы. Хотелось и дальше рассматривать рисунки на его теле, но его глаза прожигали во мне дыру. Они жадно бегали по телу, оценивая его.

— Нет, голой ты мне нравилась гораздо больше.

Напоминание о наготe вызвало шквал стыда, щёки вмиг разгорелись огнём. Мне не нравилось разгуливать перед ним нагой. При мысли о том, что этот человек и так уже видел всю меня, мне становилось не по себе. И даже сейчас, в этом тоненьком платице, мне всё равно было некомфортно. Хотелось вновь закутаться в одеяло.

Он отошёл, дав мне пройти в комнату. Я не знала, что он придумал на этот раз. Но то, что он что-то задумал, я знала точно. Промелькнула мысль о том, что мне даже почти интересно, что меня ожидает. Отбросив в стороны прилив странных картин в моей голове, я дошла до середины комнаты и обернулась.

— На колени.

Что? Опять? Мне не хочется! Хочется плюнуть ему в лицо после этих слов, хочется вновь сопротивляться, биться, драться, но я уже знала исход всех этих действий. Что бы я ни делала, он всё равно добьётся своего. Я осмотрелась в поисках чего-то... мягкого. Но рядом ничего не оказалось. Поцарапанные колени соприкоснулись с холодным полом, вызывая боль. И снова мерзкие, негативные эмоции посыпались градом. Хотелось закрыть руками лицо и не видеть всего этого унижения. Но я не посмела противоречить.

Он подошёл сзади, собирая волосы в косу, почти умело и ловко. Затем, встав передо мной, он сделал то, чего я не ожидала. Схватив за голову, он громко отчеканил каждое слово: — Расстегни мои брюки.

И вот уже знакомое чувство страха наполнило моё тело — миллион игл впился во всё тело, принося с собой страх, ужас, кошмар, панику. Лучше бы он взял меня силой, чем заставлял сделать «это» добровольно. Я надеялась, что он возьмёт желаемое иначе, ну или унижительно прикормит с рук, как животное, но никак не это. Кажется, его игра начала принимать более жёсткие обороты.

Я начала быстро мотать головой, отстраняя её. Но его пальцы вонзились в волосы и сильно сжались, снова создавая капкан.

— Неужели чувствуешь себя недостойной моего члена? — В голосе слышна ирония, издёвка. — Не скромничай, приступай.

— Нет, прошу, не заставляй! — Сквозь слёзы я попыталась его отговорить.

— И снова мы возвращаемся к началу! Я говорю — ты делаешь, помнишь? И тогда всё будет хорошо. А иначе я за толкаю его тебе в глотку, и будет по-плохому. А если посмеешь укусить, я выбью тебе зубы. И всё равно я добьюсь своего. Так не лучше ли по-хорошему? Вытри сопли и приступай. Возможно, тебе даже понравится.

Ну почему всё это происходит именно со мной? Почему именно я попала в эту ужасную историю?

Одной рукой он продолжал держать меня крепко за волосы, а другой рукой расстегнул пуговицу на своих штанах, расстёгивая молнию ширинки. Хотелось сгореть от стыда при виде чёрных волос на лобке и частично проглядывающегося органа из штанов.

— Вынь его и возьми в руки. — И с этими словами рука сжала волосы ещё сильнее, заставляя слёзы литься из глаз ручейками.

Я медленно подняла руку к штанам и ледяной рукой вытащила его агрегат. Он был внушительного размера, под стать его фигуре. Такой же плотный, широкий, длинный. Он был большим. Мои пальцы едва сошлись вокруг, сжав его. Он стоял колом, твёрдый, горячий, пульсирующий. Моя холодная рука слегка подрагивала в ритм моему всхлипыванию. Положив свою горячую руку поверх моей, он начал медленно водить ею вверх и вниз по стволу, демонстрируя, как нуж-

но. Сперва медленно, затем ускоряясь всё быстрее и быстрее.
— Продолжай... в том же ритме... Мышонок.

Он задал темп, а затем отпустил, а я попыталась продолжить. Казалось, это унижение никогда не закончится. Я двигала быстро рукой, начиная уставать. Молилась, чтобы он поскорее справил свою нужду. Его дыхание стало сильнее, тихие стоны доносились до моего слуха. А затем громкий рык разорвал тишину. Струя горячей жидкости вылетела, большими каплями стекая по стволу члена и моей руке. Я была залита его семенем. Хотелось поскорее вытереть её, смыть с себя, лишь бы не чувствовать её на своей коже, не видеть жуткие пятна на одежде.

Он продолжал утробно рычать, сотрясаясь в лёгких конвульсиях удовольствия. Хватка на голове ослабла, и рука стала гладить мои волосы, опускаясь к подбородку. Пальцы цепляются, приподнимая голову за подбородок так, чтобы взглянуть в глаза. Слёзы перестали стекать, оставляя после себя лишь мокрые борозды на лице.

Ненавижу этого монстра!

— Всего-то, а столько слёз.

Эти слова прозвучали словно пощёчина. Он издевался. Наслаждался своей властью и моей безвыходностью. Он унижал меня и при этом чувствовал абсолютное удовлетворение.

— Хорошая девочка. — И снова унижительное похлопывание по голове. — В следующий раз постарайся не быть та-

кой угрюмой. Есть пожелания?

— Нет. Мне от тебя ничего не нужно. Подачки словно собаке. Ты сперва унижаешь, а затем покупаешь меня за конфетки, как дешёвую шлюху. Делай свои грязные дела и уходи.

— Ну зачем так грубо, Мышонок? Не нужно воспринимать всё ТАК. Ты не шлюха, а я уж явно не клиент. Между нами иного рода отношения.

— И какие же? — закричала я, вновь обливаясь слезами.
— Какого рода могут быть между нами отношения?

— Я ТВОЙ ХОЗЯИН, А ТЫ МОЯ РАБЫНЯ!! Ясно? РАБЫНЯ! — Поставил акцент на последнем слове, растягивая его на языке, а я в ужасе... — Я теперь решаю, что позволительно тебе, а что нет. Я многое тебе спускаю, пока что! Но поверь, скоро я воспитаю из тебя покорную девочку через твою боль и слёзы. Я освобожу тебя от бремени примитивных человеческих эмоций. Я покажу тебе иную жизнь. Я подарю тебе настоящую свободу.

— Свободу? Всё, что ты можешь дать, так это оковы!

— Одно без другого не может быть, Мышонок. Эта иная свобода разума, восприятия — я дам тебе безграничные просторы для удовольствия.

Неосознанно схватила его за ногу, слёзно смотря ему в глаза.

— Умоляю, просто отпусти. Я никому не расскажу обо всём, прошу, я не хочу всего этого. УМОЛЯЮ!!!!

Но он лишь холодно смотрел на меня. Его холодный взгляд проникал в душу. Я понимала, что этот человек никогда не отпустит меня. Всё что угодно он готов сделать, кроме того, чтобы дать свободу. Это конец моего пути. Финишная, где я и закончу... По его глазам я читала, что решение его неизменно.

Убирая руку с ноги, осознавала, что это очередное унижение никак не повлияет на него. Я вытерла мокрое лицо, продолжая сидеть на холодном бетоне.

Он направился к стулу и, сев в него, поманил меня пальцем, указывая на своё колено. Он усадил меня себе на ноги, словно я была куклой, а не человеком. Его рука дотронулась до мокрой щеки, стирая остатки слёз, тем самым вызывая рябь омерзения.

— Я хочу, чтобы ты перестала плакать. Ничего ужасного ведь не случилось.

— Ничего? — задыхаясь, проговорила я. — По-твоему, похищать и принуждать к чему-то — это не ужасно? Заковывать в цепи и избивать — не ужасно?

— НЕ путай разницу между избиением и поркой. Разве тебе было больно?

— Да! Мне было больно и страшно!!

— Страх — это другое! Ты сама рисуешь боль у себя в голове, боишься её, ожидаешь её. Сама доводишь себя до истерик. Я обозначил сразу границы: ведёшь себя хорошо — и ничего плохого не случается. И я хочу, чтобы ты научилась

верить моему слову. Я никогда его не нарушу.

— О каком доверии ты говоришь? Я даже лица твоего не видела. Не говоря об имени.

— Можешь сама дать мне имя, я разрешаю. Ты ведь и так придумала тысячу имён в своей маленькой голове.

— Нет, это другое. Я хочу знать настоящее. — Пробубнила я почти под нос, сама не понимая, зачем мне это. — Я хочу знать, как зовут моего похитителя!

— Кев.

— Что? — Не поверив, переспросила я. — Кев? Просто Кев?

— Да.

— Я Аурум. — Проямлила, чувствуя нелепость всего происходящего. Мы познакомились, будто бы случайно столкнулись в парке, а не всё это...

— Я знаю. — Прозвучало почти над ухом. Его лицо находилось слишком близко к моему, и он вновь принимался. — Ты очень вкусно пахнешь, как карамелька, и мне нравится твоё имя, Золотко.

От его слов стало не по себе. Мурашки пробежались табуном по позвоночнику, вынуждая ёрзать на его колене.

Он взял мою руку в свою огромную ладонь и сжал её. Тепло стало перетекать из его ладони в мою. Невероятный жар исходил от его тела, словно он сам из огня, несмотря на то, что в комнате было прохладно, а он был в одних лишь штанах. Вторая рука легла на спину, нежно поглаживая. Тело

начало понемногу расслабляться и вновь согреваться.

Быть может, мне бы хотелось оттолкнуть от себя этого человека, но сейчас я как никогда нуждалась в тепле. Физическом.

— Удовольствие... — вновь прозвучало у моего уха. — Вот что я сделал вчера с тобой: подарил тебе удовольствие, тайное, скрытое, незнакомое, неизведанное тебе.

И снова тысяча мурашек пробежала волнами по телу. Его слова странным образом влияли на меня. Тревожили, волновали. Они чудесным образом заставляли меня успокаиваться, словно эти слова произносил не страшный мне человек, а совсем знакомый, почти родной. Словно я попадала под гипноз.

— Я хочу, чтобы ты подумала над всем сказанным, осознала все правила, чтобы впредь не вредить самой себе.

— Это неправильно! Всё неправильно. Ты не имеешь права так похищать людей, так унижать и издеваться, принуждать меня.

— Тебе не посчастливилось привлечь моё внимание, Золотко, и теперь у тебя нет выбора. Я теперь решаю за тебя.

— Ты собираешься держать меня в этом подвале?

— Пока да.

С этими словами он обхватил меня за талию и прижал к груди, словно убаюкивал. Я не сопротивлялась. Прикрыв глаза, я просто пыталась ни о чём не думать. Казалось, в голове полная каша, мысли сумбурно и хаотично выстраива-

лись, задавая не те вопросы. Почему дошло до того, что я нахожусь в объятиях своего похитителя и почти не испытываю страха?

— Я хочу, чтобы ты честно ответил на мои вопросы.

— Это желание?

— Да!

— Четыре вопроса.

— Почему? — Удивилась я.

— Я так решил, Мышонок.

— Прошу, не называй меня так, это омерзительно. — Это прозвище. Эта кличка... ещё больше подтверждала моё ужасное положение. Я не хотела слышать из его уст подобное обращение.

Он гортанно хмыкнул, но ничего не ответил.

Я подняла голову, чтобы заглянуть в глаза, и задала первый интересующий меня вопрос.

— Ты сказал, мне не посчастливилось попасть тебе на глаза. Я стала случайной жертвой?

— Нет. Я наблюдал за тобой какое-то время. — Его рука сильно сжала мою руку. От этих слов стало жутко. Как я не заметила?! — Я впервые встретил тебя на улице, между лавкой «Кинкрасс» и булочной. Твои глаза! Печальные, отстранённые, пустые. Они привлекли меня, заманили в свою ловушку. Эти красивые зелёные глаза, полные тоски. Не боль должна в них отражаться. В этот момент я и решил, что именно ты должна стать ею.

— Ею? Это кем?

— Просто... моей...

— И ты решил сделать мне ещё хуже? Похитив меня?

— Да, я решил похитить тебя, но не для того, чтобы сделать хуже, а чтобы научить жить по-другому, видеть по-другому, чувствовать по-другому.

— У тебя не вышло...

— Но я ведь только начал? — шепнул снова у уха слишком низким баритоном.

— Значит, ты меня преследовал в тот день?

— Да! И в последующие. Я узнал всё, что мне нужно: где ты живёшь, где работаешь, с кем общаешься и по кому так горюешь.

Стало вновь жутко. Слышать о том, как кто-то втайне преследовал тебя, осознавать, что всё это было неизбежно, поскольку так решил этот человек. Я винила себя за то, что оказалась не в том месте не в то время. Что, если бы я не пошла в тот вечер гулять в парк, всё бы было по-другому? Но нет! ОН решил мою судьбу, я попала в его паутину, и рано или поздно паук бы дополз до своей жертвы. Он наблюдал за моей реакцией, видел изменения и лишь ещё сильнее сомкнул свои железные руки на моём теле, придавливая меня к себе. Его объятия могли защитить от всего мира, но не давали защиты от него самого.

— Ты уже никогда непустишь меня? — Проямлила я, боясь услышать ответ на этот вопрос. Сердце начало вы-

бивать чечётку, создавая шум в ушах.

— Нет, Мышонок. Ты больше не принадлежишь тому миру.

От этих слов тело содрогнулось. Но где-то в глубине души я уже знала правильный ответ на этот вопрос.

— Что ты собираешься делать со мной? Продержать меня в этом подвале?

— Поначалу да. Пока не придёт время.

— Время для чего? — Дрожащим голосом ужаснулась я.

— Время для нового этапа. Было больше, чем четыре вопроса. На этом всё.

Я по-прежнему сидела на его коленях, укутанная его теплом. В голове громкими звуками взрывались его слова, сказанные только что. Я была обречена на всё это. Мой палач сам решил мою участь, исполнив свой приговор, выдвинутый мне без моего согласия. И что бы я ни делала, у меня нет шансов на обжалование.

Руки разомкнулись, и мерзкий холод вновь начинал окутывать тело. Хотелось вжаться ещё сильнее в это тепло, но он снял меня со своего колена и встал на ноги. Рядом с ним становилось легче переносить все переживания, осознавать всю катастрофу ситуации. Но сейчас, когда он стоит в шаге от меня, а я себя начинаю ощущать насекомым, тоска накачивается лавиной, погребая меня под собой.

Он вышел из комнаты, защёлкнув замок, а я вновь погрузилась в невыносимое одиночество. Наедине со своими мыс-

лями. Свет сменился на синий, а я скатилась по стене и продолжала сидеть, обдумывая всё сказанное, пробуя на вкус каждое слово.

Глава 5.

Моя тюрьма.

Мне никак не удавалось уснуть, несмотря на усталость. Я вымоталась не просто физически. Психологически. Боль в груди не отпускала ни на секунду. Эмоциональный фон был разрушен, каждая негативная эмоция сменяла другую с невероятной скоростью. Я уже не понимала, что чувствую. Просто жгучая эмоциональная боль в груди. Казалось, время остановилось. Тоска перетекла в скуку, а скука — в сумасшествие, медленное, мучительное.

Лёжа на матрасе и уставившись в одну точку, я представляла себе, как лежу на зелёной траве под голубым небом. Яркое солнце ласкает моё тело своей теплотой. Пальцы невольно выпрямились в ожидании ощущения бархатной травы, но вместо этого под подушечками ощущался лишь влажный от сырости матрас.

Снова разочарование, боль, страх. Взгляд устало упирался в серую стену, разглядывая странные линии, такие неровные, хаотичные. Рука протянулась в желании потрогать их, ощутить, понять. Тонкая нить ускользающей мысли вновь оборвалась, унося за собой странные картинки. Затем яркая вспышка: *«Это царапины.»* Глаза моментально открылись,

расширившись от новой волны ужаса. Почти вся стена была исполосована чьими-то страданиями. Эти следы навсегда отпечатались в стене, оставляя напоминание.

Тот, кто их оставил, был здесь совсем как я. Мучился, как я, боялся, страдал. То, что заставило кого-то оставить эти ужасные следы, ожидает и меня. Эта бедная жертва, как и я, была здесь, лежала на том же месте, где и я, возможно, испытывала всё то, что испытывала я. И раз сейчас я на её месте, значит, её уже нет. Я просто заменила кого-то.

От ужаса тело покрылось липким потом, тысячи игл прошли волнами по коже. Я вскочила со своего места, оглядывая комнату. Убедившись, что я одна, я отодвинула матрас от стены, разглядывая теперь всё свысока. Что могло заставить создателя этих царапин сотворить такое? Наверняка с ней делали что-то чудовищное, зловещее. Сколько боли испытала эта жертва, сколько страха. Захотелось плакать, истерить, кричать, но звуки застревали в горле.

В поисках улик я обошла всю стену, осмотрев её, начиная с самого пола и до высоты моего роста. Затем осмотрев и другие стены, я ничего не нашла. До дрожи пугала мысль, что кто-то тут был до меня, лежал на том же месте, на том же матрасе, смотрел на ту же стену.

В голове навязчиво стало звучать: *«Бежать, бежать, бежать. БЕГИ ИЛИ УМРЁШЬ, КАК ОНА.»*

Тусклая синяя лампа заставляла глаза напрягаться, болеть. Я ощупывала стены сантиметр за сантиметром, словно

выискивая что-то. Но нигде не было ни зазора. Подойдя к двери и дёрнув за ручку, я снова убедилась, что дверь заперта. Вбежав в маленькую ванную, я тоже всё осмотрела, ощупала. Я заперта в бетонной коробке, без окон. И лишь дверь отделяет меня от внешнего мира. И ключ от неё находится у самого ужасного монстра. Лишь одним способом я смогу сбежать — одолев его. Но как? По сравнению с этой машиной для убийств я мошка, щенок.

Глаза в панике бегали по комнате, в поисках хоть чего-то. Но комната была пуста. Ничего, кроме стула, матраса и торчащих из стены жутких крюков. Он всё предусмотрел. Прижавшись лопатками к стене, я закрыла глаза, пытаюсь унять сбившееся дыхание. Что же мне делать? Как сбежать из этой западни? Мне нужно что-то тяжёлое. Ударить. Оглушить. Быстро и неожиданно.

Свет резко сменился на тускло-жёлтый. Я уже знала, что это значит. Через пару секунд он будет здесь. Решение пришло само собой. Я схватила тяжёлый железный стул и встала сбоку, у стены, при входе. В висках пульсировало, руки дрожали, на лбу образовалась испарина. Казалось, прошли не секунды, а часы. Мне было страшно, стул казался тяжелее, чем есть.

Щелчок замка — и дверь распахивается. А я поднимаю стул высоко над головой. Тяжёлой поступью он входил в комнату, и всё словно в замедленной съёмке. Он выхватывает стул из моих рук с невероятной силой. Пальцы соскальзывают

ют с холодного металла, не имея нужной силы, чтобы удерживать предмет в руках. Он отбрасывает его. Стул с грохотом вбивается в стену, разламывая кусочки штукатурки, и падает на пол. А я уже стою, прижатая к стене. Его пальцы зажаты кольцом вокруг шеи. В глазах начала бегать рябь из чёрных мурашек, воздух перестал поступать в лёгкие.

Я ухватилась за его руку, но железная хватка сжалась намертво. Ещё секунда — и сознание бы покинуло меня. Но он швырнул меня на пол. Тело зашло в кашле. Кожа на шее болела.

Не успев прийти в себя, я увидела надвигающееся тело. Он расстёгивал ремень, вытаскивая его из шлёвки штанов. Страх начал зашкаливать. Я закричала, отползая, но он схватил меня за ногу и рывком притянул к себе. Я кричала, пытаясь вырваться. Придавив меня животом к полу, он прижал колено к моей спине, задирая платье и оголяя ягодицы.

Рывком он сорвал трусики, прикрывающие ягодицы. Резкий свист разорвал воздух. Кожу обожгло ударом. Я дёрнулась, закричав ещё сильнее. Следующий удар обжёг вторую ягодицу. Больно, очень больно. Удар за ударом ложился на кожу, издавая звонкие шлепки. С каждым новым ударом боль становилась невыносимее, голос охрип от крика. Слезы смешались со слюнями. Казалось, ремень рассекает мясо до кости. Ноги жгло до колен. Эта пытка была нескончаемой. Я умоляла прекратить, но никакие крики и рыдания его не останавливали.

Жестокости не было предела. И лишь когда я обмякла, истощённая, измотанная, обессиленная, он прекратил свои чудовищные действия.

Я лежала на полу, оплакивая саму себя. Попыталась перевернуться на бок, но жгучая боль с большей силой растеклась по ногам. Обняв себя руками, я постанывала. Даже сейчас казалось, что я чувствую прикосновения ремня на своей коже.

— Вот что такое боль. Сейчас ты видишь разницу? Я предупреждал, Мышонок. Решила испытать меня?

— Ты больной ублюдок, ты болен... просто болен... болен... — сквозь слёзы, словно укачивая своё тело, я повторяла эти слова.

— Болен не я. Твой разум отравляет тебя. Заставляет делать неверные выводы и совершать впоследствии неправильные действия. Чем быстрее ты поймёшь, что ты больше не владеешь собой, тем быстрее прекратится вся боль.

Я заплакала ещё сильнее, рыдания разносились по всей комнате. Мне было больно, мне было страшно, мир померк, окунув меня в самую глубь кошмара. Повысив тон, он почти перекрикивал мои рыдания, пытаясь донести до меня свои слова.

— Хватит сопротивляться! Ты не сможешь сбежать, как бы ты ни старалась. Отсюда нет выхода для тебя. Это билет в один конец. Забудь обо всём, что раньше окружало тебя, и постарайся свыкнуться с мыслью, что больше ты ничего

этого не увидишь. Я твоя новая жизнь, я твой свод правил, я задаю курс, а ты плывёшь по нему. Я могу превратить твою жизнь в сущий ад, в настоящую пытку. Или же ты научишься подчиняться, а я буду благосклонен к тебе!

— Ты уже превратил мою жизнь в пытку.

— О, Мышонок, ты даже не представляешь, что такое ПЫТКА! Я могу быть нежным, а могу быть грубым, злым. Я дам в последний раз тебе выбор. Рассердишь меня ещё раз, и мы начнём всё по-плохому.

Мне было всё равно, что он там говорит, о каком добре и зле. Для меня то, что он делает, было настоящим злом с самого начала. Не было никакого «хорошего». Только страх, отчаяние, а сейчас ещё и боль.

— Ты ставишь передо мной выбор между двух зол. Но это неправильно. Это выбор без выбора. Ты уже сам всё решил за меня.

— Да, решил. И теперь хочу, чтобы ты приняла мой выбор. Смирилась, научилась жить по новым правилам.

— Зачем ты это делаешь? Зачем так жестоко мучаешь меня?

Он не отвечал. Лишь мои всхлипы разрывали тишину. Мой мучитель не торопился отвечать на этот вопрос. Прошло достаточно времени, прежде чем он заговорил.

— Тебе придётся через всё пройти, чтобы научиться мне доверять, научиться воспринимать всё по-другому. Твои страдания неизбежны, но, если ты сделаешь верный выбор,

я обещаю, тебе станет легче.

Он перевернул меня на спину, руки проскользнули под телом, а затем я оказалась у него на руках. Я сжалась в комок, прижимая свои руки к груди. Он отнёс меня к матрасу, передвигая его к стене ногой.

— Нет, прошу! Я не хочу лежать у этой стены.

Он длительно смотрел на меня.

— Причина?

— Там жуткие царапины.

Он взглянул на стену, затем на меня. Не став сопротивляться, он передвинул ногой матрас к другой стене и аккуратно уложил меня на бок.

— Переворачивайся на живот. Я сейчас вернусь.

Легла, как он сказал, наблюдая за уходящей фигурой.

В голове вихрем пронеслась мысль о том, что дверь до сих пор не была заперта, как и сейчас, когда он вышел. Я бы могла попытаться выбежать, но страх перевесил всё. Теперь одна лишь мысль о побеге или неповиновении начинала выжигать изнутри болью, страхом. Я зажмурила глаза и отвернулась от двери. Нет, я не выдержу новой порции боли, если попадусь, а я обязательно попадусь.

Он вошёл обратно в комнату так же быстро, как и ушёл. Я перестала плакать, дав себе небольшую передышку. Голова болела от истерики и криков, кожа на ногах и ягодицах саднила и пекла. Каждое движение, каждое напряжение мышц вызывало новую волну боли, поэтому я постаралась рассла-

биться. Я услышала щелчок, а затем что-то холодное прикоснулось к коже. Вздрыгнула — и снова жгучая боль.

— Ай... ай... ай... — жалкий скулёж вырвался из меня.

— Ты должна лечь и расслабиться. Я обещаю, это поможет. Боль уйдёт.

Я повернула голову в его сторону и постаралась сделать, как он сказал. Он обмазал меня чем-то густым и холодным. Боль постепенно стала отступать, кожа словно замораживалась, переставая принадлежать моему телу. Закончив втирать мазь, он протянул мне стакан и руку, в которой лежала таблетка.

— Это обезболивающее. Давай сразу.

Не задумываясь, я проглотила её, запив водой, осушив стакан до дна. Что может произойти ещё хуже, чем есть сейчас? Если это яд, то я с радостью принимаю его.

— Молодец.

Снова эта унижительная похвала. Он хотел встать, но тут, неожиданно даже для себя, я ухватила его за запястье.

— Прошу, останься, не оставляй меня одну. Я не хочу опять быть одна.

Предательские слёзы вновь неудержимым потоком полились из глаз. Он удивлённо посмотрел на меня, словно принимал решение. А я умоляюще, сквозь слёзы, смотрела на него. Мне не хотелось оставаться одной. Хотелось знать, что хоть одна живая душа находится рядом со мной. Его взгляд смягчился, и он помог мне подвинуться к краю матраса. Лёг

рядом, и его большое тело заняло почти треть места. Подставив мощную руку себе под голову, он смотрел мне в глаза. Наши лица находились невероятно близко друг к другу. Не отводя взгляда, я рассматривала его глаза — красивые, большие. Невольно задумалась, что прячется там, под маской. Наверняка у обладателя таких глаз красивое лицо. Я даже где-то в глубине представляла его себе: ровные черты лица, небольшой нос, хорошо очерченные скулы, слегка припухлые губы.

Его рука дотронулась до моего заплаканного лица, стирая солёную жидкость, дотрагиваясь до каждой реснички. Бархатные мягкие подушечки пальцев убрали всю влажность с лица и теперь проходились по нему, лаская, приглаживая. Я попыталась перевернуться на бок, копируя его позу. И снова почувствовала жар, исходящий от его тела. Захотелось прижаться, согреться. Он словно прочитал мои мысли и сам передвинул меня, уложив мою голову на твердую мышцу своей руки. И вновь эта близость, и вновь странные чувства возрождались где-то в глубине моей души. Может быть, это таблетка так подействовала странным образом, вызывая галлюцинации, затуманивая всё зло, что происходило? Почему мне так невыносимо захотелось, чтобы он остался? Почему мне без него ещё хуже, чем с ним? Так не должно быть, это неправильно! Почему я не ненавижу его сейчас, как должна бы была. Лишь чувство обиды горчит во рту.

Захотелось уткнуться носом в ложбинку между его шеей

и грудью, захотелось там забыться, перестать думать о чём-либо и просто укрыться от всего ужаса. Пересилив барьер страха, я так и сделала. Мужской запах ударил в нос сильным ароматом, ни с чем не сравнимым, нереальным, сладким. Такая маленькая доза феромонов вызвала столь яркую, бурную реакцию в моём организме, словно короткое замыкание. Нос жадно втягивал этот запах, наслаждаясь им. Его запах словно мозаика, собранная из множества запахов, в котором больше всего преобладали запахи лесного голубого подснежника, мёда и листьев. Странное сочетание, но такое приятное. Упиваясь этим запахом, я так и уснула, почти в его объятиях.

Глава 6.

Меня зовут Кевин.

Меня зовут Кевин.

Мне тридцать пять лет, и я совершил преступление, которое оказалось страшнее любого наказания. Преступление, о котором теперь напоминает каждый удар сердца.

Я являюсь представителем тайного общества, существующего по собственным правилам и законам. Здесь каждое весомое нарушение имеет свою цену, а за некоторые ошибки расплачиваются не только виновные. Иногда наказание распространяется на тех, кто оказался рядом. Иногда оно ломает сразу две жизни.

Именно это произошло со мной.

Я совершил непоправимую ошибку. И теперь расплачиваюсь за неё не только я, но и моя жертва.

Моя семья — одна из пяти могущественных династий, которые когда-то создали это общество для избранных. Пять фамилий, пять родов, пять ветвей одной власти. Власти, которую не покупали — её наследовали.

Деньги, влияние, связи, секреты... Всё переходило из поколения в поколение, от родителей к первенцам, словно фамильное проклятие, от которого никто даже не пытался избавиться.

С самого детства меня учили жить по нашим правилам.

Меня не торопили. Мне позволяли познавать этот мир постепенно, открывая одну дверь за другой. Сначала я узнавал, что такое власть. Потом — как ею пользоваться. Позже мне объяснили, что власть без страха ничего не стоит.

Владычество.

Господство.

Главенство.

Эти слова я слышал раньше, чем научился понимать их значение.

Меня учили, что есть мы — и есть все остальные.

Толпа.

Глупые людишки без собственного мнения, без воли, без способности видеть дальше собственной жизни. Пастбище без пастыря.

Обычный человек никогда не представлял для нас большой ценности. Его можно было купить, запугать, заставить, сломать. Если требовалось — заменить другим.

Ими легко манипулировать, если знать, за какую ниточку потянуть.

Нас боялись.

Нас уважали.

Нас чтили.

А самое главное — о нас молчали.

Торговля людьми никогда не оставалась тайной для тех, кто действительно хотел её увидеть. Закон вкладывал неве-

роятные усилия в борьбу с этим преступлением: спасал, освобождал, расследовал, карал.

Но даже самые отчаянные борцы не представляли и половины того, что происходило за закрытыми дверями.

По всему синему шару тянулись наши руки. Тысячи людей, связанных с обществом, пускали корни в разных странах. Они открывали тематические клубы, закрытые сообщества, элитные заведения. Привлекали новых участников, обещая им то, чего невозможно получить в обычной жизни.

Тайное удовольствие.

Запретные эмоции.

Возможность переступить черту, за которой привычные правила переставали существовать. А для особо избранных существовала настоящая дверь. Та, за которой начинался мир боли и удовольствия. Удовольствия иного рода.

Там власть смешивалась с подчинением, страх — с доверием, боль — с лаской. Людей ломали, переписывали под чужую волю, превращали в покорные фигуры, удобные инструменты для исполнения чужих желаний.

Именно для этого похищали людей.

Именно поэтому некоторые двери никогда не открывались изнутри.

Секс всегда был, есть и будет одним из сильнейших человеческих удовольствий. Но даже самое сильное удовольствие со временем может превратиться в привычку. А когда привычного становится мало, человек начинает искать больше.

Острее.

Опаснее.

Запретнее.

Люди всегда хотели заглянуть туда, куда им запрещали смотреть.

Я тоже когда-то хотел.

И я получил всё, что хотел.

К своим тридцати пяти годам я многого добился. У меня была собственная фабрика, связанная с созданием и продажей атрибутов развлекательного характера, секс-игрушки, и они приносила огромные доходы. У меня был дом, деньги, влияние, имя, которое открывало двери без единого стука.

Я мог получить практически всё. Стоило лишь захотеть.

Моя жизнь казалась идеально выстроенной. Каждый шаг просчитан. Каждая ошибка — заранее исключена. Я привык держать под контролем людей, обстоятельства и даже собственные эмоции.

Я был уверен, что так будет всегда. До того дня. До одной необдуманной страсти. До одного решения, принятого вопреки всему, чему меня учили. До человека, которого я не должен был касаться.

Иногда достаточно одного мгновения, чтобы разрушить тридцать пять лет жизни....

Сейчас я стою в центре зала. Вокруг меня — члены общества. Лица спокойны. Голоса приглушены. Ни одного лишнего движения. Я чувствую на себе их взгляды и понимаю:

здесь никто не станет спрашивать, раскаиваюсь ли я.

Им не нужны мои оправдания. Им нужна правда.

И приговор.

Я поднимаю глаза и впервые за много лет не чувствую себя хозяином положения. У меня было все, о чем можно было мечтать. Жизнь раскрыла свои объятия приветливо принимая меня. Но необдуманная страсть, разрушило все в одночасье. Роковой шаг привел меня к тому, что сейчас я стою в кругу пяти старейшин, где должен услышать свое наказание.

— Ты нарушил правила, Кевин. Ты тронул то, что не принадлежит тебе.

— Я не знал, что она принадлежит другому.

Я стоял перед пятью членами суда, готовый принять свой приговор без единого слова протеста. Мне оставалось лишь дожидаться решения, которое уже не могло изменить ни прошлое, ни то, что я натворил.

Повернув голову, я бросил взгляд в сторону той, кого считал причиной своей беды. В груди болезненно сжалось от знакомой смеси гнева и боли.

Она даже не смотрела на меня.

Прижавшись к матери, будто только в её объятиях могла найти спасение, она прятала лицо у неё на груди. Словно меня не существовало. Словно всё, что произошло между нами, никогда не имело места.

Дьяволица...

Она ворвалась в мою жизнь, как ураган, сметая всё на своём пути. Разрушила то, что я годами выстраивал, вырвала из рук привычную власть и оставила после себя один сплошной хаос.

К чёрту всё.

Впервые в жизни я не мог понять, чего хочу сильнее — чтобы она исчезла из моей жизни навсегда или чтобы снова посмотрела на меня.

— На ней была метка принадлежности.

— Которую она явно скрывала!!! — зарычал в ответ, не сдаваясь.

— Кэтрин, подойди.

Испуганная, она впилась в свою мать, словно та могла её спасти. Но голос её отца с места судьи не давал шанса на непокорность. Мать поцеловала дочь и подтолкнула к кругу. Она робким шагом преодолела расстояние и встала рядом со мной, даже не взглянув в мою сторону. Гребаная Тварь!

— Покажи всем метку принадлежности.

Я знал, к чему всё идёт. Знал, что виноваты мы оба. У каждого из нас были свои грехи, свои поступки, за которые рано или поздно пришлось бы отвечать.

Но я не хотел, чтобы её обвинили в измене.

Не потому, что считал её невиновной. Я прекрасно знал, что она сделала. Знал, что во многом именно она стала причиной всего произошедшего.

Лишь она.

Лицемерная сука.

И всё же я не позволил суду услышать её имя рядом с моим.

Я возьму вину на себя.

Целиком.

В этот момент мне было уже всё равно, какое наказание вынесут мне. Я не думал о собственной судьбе — не хотел думать. Внутри и без того было слишком много ненависти к самому себе. Я снова и снова прокручивал в голове то, что сделал, находя в каждом воспоминании новые причины презирать себя.

Мне не хватало сил думать ещё и о её наказании. Я не хотел видеть, как суд обрушится на неё. Не хотел знать, что с ней сделают. Поэтому проще было позволить им уничтожить меня одного.

Пусть считают виноватым только меня. Пусть вынесут приговор мне. Пусть вся тяжесть последствий ляжет на мои плечи. Я и так всегда был слишком неудобным для этого прогнившего общества.

Я выдержу.

По крайней мере, мне хотелось в это верить.

Отодвигая ворот, девушка продемонстрировала метку у самого уха. Тонкий шрам складывался в причудливый рисунок, едва заметный на бледной коже.

Я замер.

Если бы я только знал о ней с самого начала... Если бы

заметил эту метку раньше. Возможно, тогда я не совершил бы ту ошибку, за которую теперь собирался расплачиваться один.

— Ты говорила ему, что принадлежишь другому?

Вот он, последний гвоздь в крышку гроба. Она качнула головой в согласия. Лживая тварь. Нет, не говорила, никогда не говорила!

— Я признаю свою вину и готов понести наказание. — С гордо поднятой головой я произнёс эту ложь во имя чувств, которые так и сжигали изнутри.

Я бы мог её убить! Сломать её хрупкие кости одной рукой. Мог бы свернуть её тонкую шею, упиваясь её агонией. Медленно! Мучительно! Но вместо этого я избрал путь мученика...

Идиот...

Пусть эта сука радуется жизни, выйдя невинной из этой ситуации. Я готов взять вину на себя, ведь я и вправду виноват. Глупый болван, увлёкся так, что даже не удосужился проверить её. Доверился. Узнал обо всём слишком поздно.

Она удивлённо посмотрела на меня.

«Что, тварь? Думаешь, все такие же дерьмо, как и ты?»

Один из членов суда и по совместительству мой отец встал, чтобы огласить приговор. Колкий взгляд, словно удар плети, прошёлся по мне.

— Ты знаешь наши правила, Кевин. И знаешь, чем карается серьёзное нарушение наших законов.

Голос председательствующего звучал спокойно, почти безразлично. От этого каждое слово становилось ещё тяжелее.

— Ты предал одного из нас, присвоив то, что принадлежало другому. Ты нарушил то, что для нас не подлежит нарушению. Все мы знаем твой взрывной характер. Знаем о твоём постоянном сопротивлении установленным порядкам. И знаем, на что ты способен.

Он сделал короткую паузу, позволяя тишине давить сильнее любых угроз.

— Но до сих пор тебе позволяли оставаться в стороне. Наблюдать. Пользоваться преимуществами нашего общества, не демонстрируя в полной мере своей принадлежности.

Отец чуть подался вперёд рассматривая слишком серьезно.

— Теперь пришло время доказать её. Наше решение вынесено. Ты должен предоставить обществу новую игрушку. Покорную. Обученную. Усмирённую во всём. Человека, которого ты сам превратишь в то, что нам необходимо.

Я сжал челюсти. Блядство....

— Подчини её. Сломай сопротивление. Добейся полной покорности и создай рабыню, которая будет принадлежать обществу.

Последние слова прозвучали особенно отчётливо, от чего тошнота так и подкатила к горлу.

— Выполнишь приговор — останешься одним из нас.

Он откинулся на спинку кресла, не сводя с меня взгляда.
— Откажешься...

На его губах появилась едва заметная усмешка.

— И тебя ждёт кое-что гораздо хуже.

Пауза.

— Кевин.

Тяжёлый груз упал на моё сердце. Я ожидал чего угодно, но не этого. Я был готов к физической боли, к заточению, к отлучке, в конце концов, но этот приговор выбил почву из-под ног. Да, я владел навыками, как сломать человека, манипулировать им, управлять, и не раз использовал эти навыки в жизни, в делах, но не в тех целях, в которых меня принуждали сейчас это сделать. Не раз видел, как ломают физически и психологически, делая из людей рабов. Но никогда я не имел желания делать это сам. Мне не было никакого дела до того, что делают другие, с кем играют в свои грязные игры, кого ломают и подчиняют. Мне больше нравилось, когда женщина добровольно соглашалась на такого рода игры. Согласие — вот главный пункт в моих правилах. Я мог сделать многое, мог подарить любое удовольствие, будь то даже боль, но только при добровольном согласии.

— Срок — полгода.

Сжал кулаки так, что побелели костяшки. Я знал, что приговор обжалованию не подлежит. Мне придётся переступить через себя, свои принципы, свою гордость и сделать это: сломать чью-то жизнь, уничтожить кого-то, почти убить. И ради

кого? Кэтрин.... Мразь!

— Суд окончен.

Присутствующие стали расходиться, когда мой отец подошёл ко мне.

— Почему не плеть? - Кидаю ему особо не ожидая ответа.

— Потому что мы все уже знаем, как ты её переносишь. Ты всегда был взбалмошным, заносчивым. Пора повзрослеть, Кевин, пора нести ответственность за свои действия.

— Ты знал, как я отношусь к такому роду развлечений, отец, — почти зашипел я, кидая слова ему в лицо.

— Знал. И это самое лёгкое наказание, которое я смог для тебя выбрать.

Широкая улыбка растянулась на его лице. Хотелось выбить эту ухмылку, вдальбавить её кулаками, смывая довольство с его лица. Но мне пришлось сдержать себя.

Закурив сигарету, я двинулся вперёд, к машине, преодолевая небольшое поле. Пошло всё к дьяволу, вместе с этой лживой сукой Кэтрин.

— Покончи как можно быстрее с этим, Кевин.

Я так и не обернулся на голос отца. Сел в машину и сорвался в ночь.

Долго разъезжая по округе, я въехал в город и бесцельно мотался по улицам, обдумывая своё наказание, пока дорога не привела меня к лавке «Кинкросс». Чашка горячего кофе не помешает.

Я направлялся к лавке, когда увидел эти глаза — боль-

шие, зелёные, такие яркие и такие притягательные. Она была словно огонёк среди мрачной толпы: манила меня, привлекая своим светом. Длинные белые волосы развевались на ветру. Хрупкая, маленькая и такая печальная. Глаза, полные слёз и отчаяния, словно весь мир её покинул, не замечая её страданий и боли.

Это не я нашёл её. Это она меня нашла, привлекла, заманила, соблазнила своей отчаянностью.

Такая красивая и такая грустная.

Она шла вдоль улицы, смотря себе под ноги. Казалось, вся аура вокруг неё пропитана печалью, и теперь через мелкие частички и импульсы она передавалась и мне. Я последовал за ней медленно, выдерживая расстояние. Шёл как замороженный.

В тот вечер я проводил её до дома, узнав адрес. В глубине души я уже понимал, что решение принято. Дело осталось за малым: найти подходящее место и время.

Я нашёл человека, который собрал полную информацию о ней. Одинокая, без семьи, в разводе, детей нет. Недавно переехала из другого города. Работает официанткой в дешёвом кафе, близких друзей практически нет. Идеальная кандидатура.

Вечерами я провожал её от работы домой, наблюдая за ней. Порой я заходил в кафе, где она работала, и садился за самый дальний столик, который она не обслуживала. Мне нравилось смотреть, наблюдать: такая печальная, отстранён-

ная, словно не из этого мира. Внутри начало возрождаться желание владеть ею. Ни разу она не взглянула на меня, не почувствовала моего присутствия. Она и не подозревала, что приговор уже вынесен и её уже ничто не спасёт.

И вот, в очередной вечер, преследуя свою жертву, я завернул в парк вслед за ней. Лёгкий дождь оплакивал этот мир, оплакивал то, что должно произойти. Я давно был готов к ключевому моменту, и вот сегодня он настал. Неожиданно для меня она завернула в самую глубь тёмного и пустого парка. Словно сама шла мне навстречу, прямо в лапы монстра. Облегчила мне задачу. Глупая...

Когда тело обмякло после дозы хлороформа, я закинул её на плечо и понёс к машине, припаркованной недалеко от дороги. Уложив на заднее кресло, я сел в машину и вдавил педаль в пол.

— Разве тебе не говорили, что нельзя ходить в одиночестве по тёмным местам?

То ли ей, то ли себе я говорил эти слова. Моя жертва в отключке, и в ближайшие пару часов она и понятия не будет иметь, что с ней происходит.

Мы ехали минут сорок, прежде чем достигли частной территории. Завернув с главного шоссе, машина ещё долго раскачивалась на кочках, преодолевая плохую дорогу через лес. Нас окружали большие стволы деревьев и темнота. Затем мне пришлось тащить её на себе ещё полкилометра, пока мы не добрались до участка, принадлежащего моей семье.

Несколько сотен акров лесов и полей — идеальное место. Под землёй был сооружён специальный бункер, построенный для таких странных делишек, как это. Идеальное место! Меня уже ожидали, приготовив всё нужное.

— Мне нужна моя маска.

— Зачем? — удивлённо спросил женский голос.

— Я не хочу, чтобы она запомнила меня, чтобы моё лицо не сопровождало её в самых жутких кошмарах. К тому же я не хочу, чтобы после она ненароком узнала меня в толпе.

— Ты думаешь, не узнает?!

Я ничего не ответил. Да и что я мог сказать, когда её судьба после того, как я с ней закончу, мне абсолютно не известна.

Сняв с себя верхнюю одежду и оставшись в одних лишь штанах, я надел маску и вошёл в комнату. Она лежала на полу, бледная и такая беззащитная. Я остался сидеть у стены напротив неё, ожидая пробуждения. Худший кошмар только начинался, и не только для неё...

Она плакала молча. Слезы стекали с её глаз, делая их ещё светлее.

Жалость. Мне омерзительно это чувство. Но именно это она и пытается вызвать во мне, и меня начинает раздражать это. Я должен избавиться от него, отключить это чувство, вырвать из груди какие-либо эмоции. Нет места жалости в нашей игре. Никогда!

Первый этап прошёл легче, чем я думал. Она вела себя на удивление тихо, без истерик.

Её тело красивое, нежное, бледное. Хотелось его трогать. Такое мягкое и такое сладкое. От неё исходил невероятный аромат. Хотелось вдыхать его бесконечно, невероятный запах страха. Интересно, каков запах её удовольствия? Не удержался, потрогал. Неудивительно, что тело не откликнулось, ещё рано. Так рано... А ведь я бы мог иначе, и всё бы пошло совсем по-другому. В другом месте, в другое время. Но вместо этого я вынужден насильно принуждать её к этим унижениям, чувствуя при этом омерзение к самому себе.

Я оплошал, облажался, и теперь сам наказывал себя за этот поступок. Взял чужое, коснулся чужого... Идиот...

Отключил эмоции, отключил чувства, понимая, что должен довести дело до конца, должен отработать заслуженное наказание.

Красивое лицо выражало лишь ужас и страх. Мой загнанный зверёк. Мне нравится это, упиваться её страхом, её страданиями. Жаль, что по итогу я не смогу отпустить её, как золотую рыбку, жаль, что концовка будет печальной.

Удар. Не рассчитал силу.

Кровь...

Возбуждение зашкаливает, как и злость.

Впредь надо осторожнее. Совсем нежная.

Постарался успокоить. Вытер лицо от густой крови. Не хо-

чу больше видеть отметины на её красивом лице, лишь на теле. Прежде, я никогда не бил женщин по лицу до крови.

Блядство...

У неё шок, смотрит отстранённо в одну точку. Понимает, что ей не выбраться из этого капкана. Чем быстрее поймёт, тем легче ей станет. Человек ко всему привыкает, подстраивается, выживает.

И ей придётся.

Позвала. Сама. Этого не ожидал. Смотрел сквозь монитор на привязанную к стулу девушку, любовался. Красивая. Она точно понравится.

Губы шевелятся.

— Прошу... Чуть громче.

— ПРОШУ, ПРЕКРАТИ!!!! Отвяжи меня.

Я продолжал смотреть в монитор, понимая, что будет дальше. Слёзы, мольба, истерика... Всё по шаблону.

Выжидаю.

— Я буду делать, как ты хочешь. Прошу, освободи меня.

Согласие. То, что мне нужно. Я рванул в комнату.

Хотелось рассмотреть её везде. Широко раздвинутые ноги позволяли увидеть всё. Кровь закипала в венах. Нужно спустить пар, иначе не удержусь и разорву её, как кусок мяса.

Отвязал, похвалил, отправил в душ. Пусть приведёт себя в порядок.

Пора покормить зверушку, начать приручать, учить быть

покорной и слушаться хозяина.

Не сопротивлялась. Подчинилась. Заслужила одеяло.

С покорностью мы определились, теперь опробуем тактильность. Хочу знать, как реагирует её тело на боль. Это моё любимое.

Испуг, паника, истерика.

Ожидаемо.

Схватил резко, грубо, чтобы поскорее покончить, дать понять, что всё её сопротивление бесполезно. Каждый её удар — словно толчок ребёнка. Дам ей иллюзию борьбы, пусть думает, что попыталась. Но ей никогда не справиться со мной.

Никогда!

Связав по рукам и ногам, я повесил её под потолок.

Любовался своей работой. Люблю веревки.

Она невероятная, просто великолепная, свисает ровно, как струна. Такая красивая. Чётко очерчена каждая выпуклость, каждый изгиб. Хочется исписать её тело, исполосовать, оставить свои метки, собственную роспись.

Флогер идеален для начала. Многие женщины мечтали попасть в мои руки, добровольно отдавая своё тело, позволяя мне расписывать их тела узорами боли и удовольствия. Мышцы дрожали от предвкушения. Флогер плотно лёг в ладонь. Первый удар — и по телу прошла первая волна экстаза. Второй удар — и приятная нега растекается по жилам. Третий удар — и мне хочется рычать от восторга.

Она не кричит, лишь изредка роняет стоны. Пора спустить и дать передышку. Всё лицо покрылось испариной, жар обуял моё тело. Снял маску, прижался телом к ней, запретил оборачиваться. И снова этот сладкий запах — хочется облизать её, съесть.

Новые удары, один за другим: чёткие, одинаковые, быстрые, ритмичные. Наученная рука знает, как обращаться с тем или иным девайсом. Я знаю, ей не больно, эта порка больше показательная. Прислушиваясь, заметил, что притихла, молчит. Прекратил сессию, обошёл. Неужели?

Взгляд расфокусирован, мышцы лица расслаблены. Едва заметна улыбка.

Не видит меня.

Потрогал лицо.

Сабспейс.

Лучшая благодарность мне.

Освободив её, уложил на матрас, укрыл, прижался, согрел. Тело легонько подрагивало. Пройдёт много времени, прежде чем её сознание вернётся.

Глаза распахнулись — затуманенные, довольные. Она ещё не понимает, что произошло, но я научу. Со временем всему научу. Слишком слаба для вопросов, уставшая, вымотанная сессией. Для неё это впервые. Лежит смирно, укутавшись, прижавшись ко мне, как котёнок. Мне хочется большего. Гораздо большего.

Сдерживаюсь.

Как же вкусно она пахнет.

Запах сводит с ума.

— Я и не ожидал такой отдачи от тебя. Это лучшая благодарность, Мышонок. Твой сабспейс великолепен.

Молчит, не понимает происходящего. Она ещё далеко, не до конца вернулась. Дрожит.

Ей нужно подкрепиться, иначе совсем ослабнет. Горячий чай согреет изнутри, приведёт в чувства.

Смотрит вопросительно, без страха. Пытается выпросить объяснения. Хочется сделать ей приятное. Похвалить. Чтобы поняла контраст между грубостью и нежностью, чтобы перестала бояться.

Исполнил её просьбу, дал то, что попросила. Приручаю, помогаю адаптироваться, подстроиться. Кнут и пряник — идеальный способ. Помогает расслабиться поощрениями, но при этом не терять страх. Она выглядит красиво в этом тонком пеньюаре, подчёркивающем её пухлую грудь и округлые бёдра. Надо покормить, иначе исхудает.

Назойливое желание опробовать её.

Нет, нельзя. Не стоит.

Не хочу создавать крепкую связь между нами. Она всего лишь игрушка, не моя.

Пухлые губки дрожат, такие манящие, малиновые, сочные. Мммм. Нет, не могу удержаться. Чёрт.

— На колени. Расстегни мои брюки.

Её мольба такая сладкая, словно доза наркотика проникает по венам, разливаясь опасным удовольствием по телу. Мне хочется видеть её слёзы. Хочется!

Это моя игра, Мышонок, и я помогу справиться с гордостью, помогу устранить сопротивление.

Хотелось опробовать её всю, но я сдержался. Нет, не стоит всё-таки переходить грань. Придерживая её руку, я задал ритм, утоляя жажду, туша огонь, еле сдерживаясь, чтобы не затолкать член в её пухлый ротик. Разрядка пришла быстро, остро сотрясая тело, но не давая полного удовлетворения. Хотелось большего.

Разговоры, вопросы — совсем не нужные мне и важные ей.

Аурум. (Золото.) Красивое имя и такое ненужное. Оно тебе не понадобится.

Я готов был ответить на всё. Дать лёгкую передышку, дать ложное чувство спокойствия.

Глупая, не понимает, что я всё вижу, всё знаю, наблюдаю сквозь монитор. Мечется, решает, обдумывает. Ей не сбегать. Никогда. И снова урок послушания. Открываю дверь, вырываю из ослабленных рук стул, откидываю. Я хотел по-иному, по-хорошему. Она начинает злиться. Глупая кукла.

Прижал к стене. Хочется отлупить. Нет, по лицу нельзя. Накажу по-другому. Уложив на пол лицом вниз, отлупил ремнём. Пускай увидит разницу, пускай поймёт, что это не

шутка, а я не добрый полицейский.

Плачет, кричит, умоляет. Нет, это не действует. Только злость и ярость. Нужно было остановиться раньше. Кожа исполосована красными, почти синими следами. Завтра ей будет очень больно. Сидеть не сможет неделю. Заслужила.

Лежит и плачет. Ей больно, и я это знаю. Хочется приласкать, обнять, успокоить. Беру на руки и кладу на матрас. Такая маленькая, такая испуганная. Снова желание зудит в голове. Хочется её полностью. Выпить всю до дна. Что стоит отыметь её? Хочется разорвать на куски, вдавливая в это тело. Нет. Лучше уйти.

Рука ухватила за мою. И словно ток по телу. Хочется оттолкнуть, ударить за то, что тронула без разрешения. Но этот взгляд мог растопить мировой лёд — тёплый, нежный, молящий. «Останься». Словно эхом пронеслось: «не оставляй меня одну».

Несмотря на жестокость, она просит остаться? И снова бурлящая волна по телу. Мне хочется остаться.

Она уснула, уткнувшись в плечо. Тихо сопя. Хотелось уснуть рядом, обнимая. Укрывая от всего мира. Но я не мог себе этого позволить. Подождав немного, я вытащил руку, аккуратно уложив её голову на матрас, и вышел. Ей нужно отдохнуть. Завтра придётся справляться с болью, уже без мазей и обезболивающего.

Я шел по длинному коридору с мигающими лампами, обдумывая завтрашний день.

— Кевин, — услышался женский голос. Я обернулся. —
Постой.

— Чего тебе, Шейла? — Грубость — мой конек.

Шейла когда-то была такой же жертвой. Пленницей. Рабыней.

Когда-то она принадлежала человеку, который видел в ней лишь вещь, которой можно владеть, пользоваться и распоряжаться по своему желанию. Ей не оставили выбора. Не дали возможности уйти.

Но ей, в отличие от Аурум, повезло встретить меня.

Много лет назад именно её я решил спасти. Выкупил из рук больного ублюдка, забрал из места, которое едва не уничтожило её окончательно, и впервые позволил ей почувствовать, что она больше никому не принадлежит.

Я не требовал благодарности. Не ждал покорности. Просто дал ей свободу.

А потом прошло время.

Шейла осталась рядом.

Девушка, которую когда-то пришлось вырывать из чужих рук, постепенно стала человеком, которому я доверял больше, чем большинству тех, кто носил мою фамилию.

Теперь она была моей подругой.

Она и вызвалась помочь мне в этом бункере.

— Не думала, что ты согласишься, — посмотрев на меня с упреком, сказала она.

— У меня был выбор?

— Да! Рассказать правду, посвятить всех в произошедшее. Открыть истинное лицо этой Кэтрин.

— Что бы это изменило? У них давно чесались руки на меня, особенно у отца, и я дал им повод.

— А Алекс? Ты говорил с ним? Попытался все объяснить?

При напоминании о нем снова привычная тяжесть сжимает грудь в тугие тиски. Мой друг, мой брат, мой верный товарищ, которого неосознанно я предал. Алексу и принадлежала та, кого я тронул...

— Да. Он потребовал у суда «Право выбора». Очередной странный ритуал «Право выбора» — одна из самых редких привилегий нашего общества. Получив её, ты можешь выбрать всё, что захочешь, — вещь, собственность, что угодно. То, что ты выбрал, не имеет права отказать, а прежний владелец обязан отдать своё без возражений. Именно поэтому эту привилегию редко предоставляли даже самым влиятельным из нас. Потому что, однажды получив право выбора, ты мог лишиться самого дорогого, что имел.

— И ты согласился? Позволишь отобрать то, что будет дорого твоему сердцу?

— Да. Если таково будет.

После случившегося я сомневался, что когда-нибудь ещё найдётся хоть что-то, способное стать дорогим моему сердцу.

Вряд ли.

Я слишком многое разрушил, чтобы теперь позволить се-

бе к чему-то привязаться.

— Кевин, зачем ты сам себя бичуешь? Вы с Кэтрин оба должны были понести наказание. Зачем ты взял вину на себя, сам подставляя себя под наказание? Это неправильно. Хватит винить только себя!

Но разве все не так? Разве не я виновен в этой связи? В предательстве друга! Хотелось ответить, но я выдал совсем другое.

— Тебя это не касается.

Я развернулся, чтобы уйти, но она встала передо мной, продолжая надоедать своими утверждениями.

— А как же эта девушка? Ты готов наказать ее за свои грешности? В чем она виновата? Ты готов был спасти Кэтрин от наказания, но при этом обречь другую на мучения? Или ты себя решил так наказать?

И снова, как удар ножа в сердце. При напоминании о ней тело отреагировало молниеносно. В груди зашевелились тысяча червей, гнилых, кусачих.

— Она не первая и не последняя, кто оказался по эту сторону тюрьмы.

— Ты же говорил, что никогда не станешь делать этого, принуждать, ломать, создавать игрушки своими руками. Ты же всегда был, если не против, то хотя бы нейтрален к этому. Ты готов уничтожить ее жизнь в обмен на свою свободу? Как ты будешь жить, зная, что сломал своими руками чью-то жизнь?

Я понимал, о чем она говорит, понимал, что я никогда не смогу простить себе этого. Но я это заслужил. Шейла знала меня как никто другой, моя подруга, мой ходячий дневник. Всегда любил ее за то, что не боялась высказывать грубую правду в лицо.

В душе разворачивался настоящий торнадо, тараня все изнутри. Она наблюдала за мной, а затем взяла за руку.

— Кевин, пожалуйста, отпусти ее. Не делай этого, только не ты. Откажись от этого, иначе дороги назад не будет.

— Я не могу.

С этими словами я пошел вперед, оставляя ее стоящую одну, ошарашенную. Я сделал свой выбор в тот вечер, как встретился с этими зелеными глазами. Девушка теперь моя, хоть и временно. А что касается наказания...

Отец так решил, вынося мне такой приговор, решил меня усмирить, заставить переступить через себя. Я согласился, но месть моя будет страшна.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.